

18+

Будилин Константин
в соавторстве с Аидой Л. и Ириной Н.

ВСЕ СВЕТОФОРЫ ЗЕЛЁНЫЕ

Том I
НЕ ТОТ МАРШРУТ
роман основан на реальных событиях

Иногда
не тот маршрут
именно тот,
что нужен.

→ Казань
всегда
в хорошем
направле

**Аида Л.
Ирина Н.
Константин Будилин**

**Все светофоры зелёные.
Том I. Не тот маршрут.**

*<https://litres.ru/74544037>
ISBN 9785007135061*

Аннотация

«Элина Сафина привыкла жить по правилам и верить, что у каждого пути есть верное направление. Но случайная встреча, первые серьёзные чувства и неожиданные решения меняют её маршрут. Впереди — взросление, ошибки, новые города, любовь и выбор, который однажды определит всю дальнейшую жизнь. „Не тот маршрут“ — первый том романа „Все светофоры зелёные“, основанного на реальных событиях.»

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	5
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1	20
ГЛАВА 2	37
ГЛАВА 3	53
ГЛАВА 4	67
ГЛАВА 5	86
ГЛАВА 6	104
ГЛАВА 7	121
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Все светофоры зелёные. Том I. Не тот маршрут.

**Константин Будилин
Аида Л.
Ирина Н.**

© Константин Будилин, 2026

© Аида Л., 2026

© Ирина Н., 2026

ISBN 978-5-0071-3506-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-3507-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОДЕРЖАНИЕ

- ГЛАВА 1. Две кровати 16
- ГЛАВА 2. Тяжёлая артиллерия 33
- ГЛАВА 3. Одна остаётся в Казани 48
- ГЛАВА 4. Дальневосточные адреса 62
- ГЛАВА 5. Кино для целой роты 80
- ГЛАВА 6. Дети одной страны 105
- ГЛАВА 7. Пустые полки 129
- ГЛАВА 8. Талоны на взрослую жизнь 147
- ГЛАВА 9. Малиновые шорты 166
- ГЛАВА 10. Чучело 182
- ГЛАВА 11. Учительница, которая забрала 202
- ГЛАВА 12. Серебряная цель 226
- ГЛАВА 13. Девочка на дискотеке 243
- ГЛАВА 14. Пилотка решает судьбу 258
- ГЛАВА 15. Марш и пейджер 272
- ГЛАВА 16. Парень с рацией 287
- ГЛАВА 17. Следователь с печатной машинкой 326
- ГЛАВА 18. Папин звонок 339

- ГЛАВА 19. Одна на весь отдел 367
- ГЛАВА 20. КВН против коррупции 385
- ГЛАВА 21. Двенадцать часов молодости 414
- ГЛАВА 22. Закон о замужестве 442

ГЛАВА 23. Мужчины в погонах	464
ГЛАВА 24. Мир за границей	484
ГЛАВА 25. Баба Зоя варит борщ	508
ГЛАВА 26. Носки, тапочки и география	531
ГЛАВА 27. Десять пачек надежды	568
ГЛАВА 28. Женихи в мониторе	604
ГЛАВА 29. Гвоздики для живой женщины	638
ГЛАВА 30. Письмо, где слишком много Элины	660
ГЛАВА 31. Париж за чужой счёт	681
ГЛАВА 32. Джинсы на вешалке	700
ГЛАВА 33. Гуманоид за стеклом	722
ГЛАВА 34. Пять метров позади	734
ГЛАВА 35. Голубая рубашка	758
ГЛАВА 36. Мужчина на Васильевском	779

ПРОЛОГ

Четыре часа утра

В четыре часа утра приличные женщины обычно спят.

Особенно если они прилетели из Ванкувера, пересекли полмира, встретили Новый год в Петербурге, сходили в Мариинский театр, выслушали краткий курс российской политики и оказались в загородном доме с мужчиной, которого до этой поездки видели всего несколько раз.

Я не спала.

Лежала в гостевой комнате под тяжёлым одеялом и смотрела в тёмный потолок. За окном стояла та особенная зимняя тишина, которая бывает только за городом. Снег будто укрыл не один дом, а сразу весь мир, чтобы никто не мешал мне принять очередное разумное решение.

Решение было таким:

— Давай жениться.

Я услышала эту фразу совершенно отчётливо.

Не подумала. Не придумала. Именно услышала.

Она прозвучала где-то между мной и потолком спокойным женским голосом, который явно не собирался отвечать за последствия.

Я приподнялась на подушке и прислушалась.

В доме было тихо. За стеной спал Алексей. Внизу, на кух-

не, остывали чашки, оставшиеся после вечернего чая. На ёлке в гостиной иногда мигала гирлянда. Всё остальное мироздание вело себя прилично.

— Давай жениться, — повторил голос.

— Кому? — шёпотом спросила я.

Голос не ответил. Видимо, считал, что дал достаточно подробную инструкцию.

Я посмотрела на часы. Четыре с чем-то. В Ванкувере был ещё предыдущий день, в Казани уже начиналось утро, а я находилась между часовыми поясами, двумя странами и несколькими вариантами будущего. Для нормального человека это повод снова лечь. Для меня — повод начать действовать.

Так было почти всегда. Если кто-то говорил: «Надо», я сначала выполняла, а потом уточняла, зачем. Мы люди исполнительные. Иногда это прекрасное качество. Иногда из-за него оказываешься ночью в чужом загородном доме и собираешься предложить брак мужчине, который ещё не успел окончательно проснуться.

Я откинула одеяло и сразу поняла, что судьба могла выбрать для судьбоносного момента время потеплее.

Пол был ледяным.

Тапочки я оставила внизу. Халат висел на стуле, но в темноте стул почему-то оказался дальше, чем вечером. Я нащупала свитер, надела его и только потом заметила, что шов оказался снаружи. Снимать не стала. Если мужчина готов

жениться только на женщине в правильно надетом свитере, это ненадёжный мужчина.

Я подошла к зеркалу.

Из зеркала на меня смотрела маленькая растрёпанная женщина с отпечатком подушки на щеке. Накануне эта женщина старалась держаться с достоинством. Надела хорошее платье, уложила волосы, спокойно вошла в театр, спокойно сидела в ресторане и почти спокойно делала вид, что приезд в Петербург через восемь лет после нашей первой встречи был обычным совпадением маршрутов.

Теперь достоинство спало отдельно от неё.

— Выходи за меня замуж, — сказала я отражению.

Отражение посмотрело с осуждением.

— Нет. Это он должен мне сказать. Женись на мне.

Стало похоже на приказ.

— Давай поженимся.

Слишком торжественно.

— Давай жениться.

Вот это звучало правильно. Грамматика немного волновалась, зато смысл был ясным.

Я вышла в коридор.

Дверь комнаты Алексея была приоткрыта. В щели лежала узкая полоса света от ночника. Я остановилась перед ней и вдруг почувствовала, как сильно бьётся сердце.

До этой минуты всё было просто. Я купила билет. Пересекла океан. Получила десять дней отпуска, хотя только

устроилась на новую работу. Забронировала красивый отель, в котором так и не появилась. Написала мужчине, с которым восемь лет почти не общалась. Сообщила, что лечу в Казань через Петербург, хотя маршрут через Петербург выбрала сама. Всё это можно было объяснить логистикой, Новым годом, отпуском, любопытством и желанием закрыть старую историю.

Открыть дверь нельзя было объяснить ничем.

За ней начиналась новая история.

Я тихо постучала.

Алексей не ответил.

Я постучала ещё раз.

— Да, — послышалось из темноты.

По голосу было ясно: человек ответил не потому, что проснулся, а потому, что всю жизнь привык реагировать на обращения.

Я вошла.

Алексей лежал на спине, натянув одеяло до подбородка. На тумбочке стояли очки, телефон и стакан воды. Днём он производил впечатление мужчины, который знает, где лежат документы, когда менять зимнюю резину и почему телевизионные новости всё объясняют неправильно. Ночью без очков он выглядел моложе и беззащитнее.

Это немного усложняло задачу.

— Алексей Сергеевич, — сказала я.

Он открыл один глаз.

— Элина Ринатовна?

Мы уже несколько дней жили под одной крышей, вместе встречали Новый год и ездили за город, но иногда всё ещё обращались друг к другу по имени и отчеству. Так было безопаснее. Между двумя взрослыми людьми могла происходить какая угодно нелепость, но форма общения сохраняла официальный порядок.

— Вы спите?

— До вашего прихода у меня получалось.

— Мне надо вам кое-что сказать.

Он открыл второй глаз и нащупал очки.

— Что-нибудь случилось?

— Да.

Он сразу сел.

— Что?

Вот здесь я должна была произнести заготовленную фразу. Спокойно, уверенно и желательно по-русски.

— Выходи за меня замуж, — сказала я.

Алексей замер с очками в руке.

— Что?

— Не то. Подождите.

— Я подожду.

Он надел очки и посмотрел на меня внимательнее. Теперь я увидела, что свитер был не только наизнанку, но ещё и задом наперёд. Горловина неприятно давила на шею. Отступить было поздно.

— Женитесь на мне, — сказала я.

— Так сразу?

В его голосе не было ни испуга, ни восторга. Только спокойный интерес человека, которому в четыре утра предложили необычную, но теоретически выполнимую задачу.

— Не обязательно прямо сейчас. Сейчас все магазины закрыты.

— Это разумно.

— Но в целом — да. Надо жениться.

— Кому?

— Нам.

— Друг на друге?

— Желательно.

Он посмотрел на часы.

— Я уточняю, потому что время располагает к разным толкованиям.

Я села на край кровати. Колени дрожали, и мне не хотелось, чтобы он это заметил. Я прилетела через океан, спокойно прошла паспортный контроль, спокойно увидела его у выхода, спокойно отказалась от забронированного отеля и согласилась встречать Новый год вместе. Но произнести одну короткую фразу оказалось страшнее всех перелётов.

— Я серьёзно, — сказала я.

Улыбка исчезла с его лица.

Он отложил очки, потом снова взял их. Видимо, тоже не знал, в каком виде удобнее принимать судьбоносные реше-

ния.

— Элина, вы понимаете, что говорите?

— Не полностью. Но понимаю достаточно.

— Мы с вами почти не знаем друг друга.

— Мы знакомы восемь лет.

— Мы виделись несколько раз.

— Значит, не успели надоесть друг другу.

Он покачал головой.

— Серьёзный аргумент.

— У меня юридическое образование.

— Это многое объясняет.

Мне хотелось засмеяться и одновременно схватить его за плечи. Он опять делал то, что умел лучше всего: не торопился. Восемь лет назад это качество довело меня до Ванкувера. Теперь я прилетела из Канады и не собиралась позволять ему снова выбирать подходящий момент до следующего десятилетия.

— Послушайте, — сказала я. — Я должна вернуться в Ванкувер. У меня работа, испытательный срок, квартира, документы и обратный билет. У вас здесь своя жизнь. Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю, что не хочу снова уехать, ничего не сказав.

Он молчал.

— В прошлый раз я решила, что мужчина должен выбрать женщину, — продолжила я. — Один мужчина меня выбрал. Очень красиво, щедро и уверенно. Я была благодарна. Я ста-

ралась быть счастливой. Восемь лет старалась. А потом поняла, что старание и счастье — разные вещи.

Алексей слушал, не перебивая.

— Теперь я хочу выбрать сама, — сказала я. — Я выбираю вас. То есть тебя. Наверное, если мы собираемся жениться, можно уже на «ты».

— Порядок действий вызывает вопросы, — сказал он.

— Я готова рассмотреть замечания после принятия основного решения.

Он отвернулся к окну. За занавеской серел снег. До расвета оставалось совсем немного.

— У меня служба, — сказал он. — Возможное звание. Вопросы со вторым гражданством. Всё не так просто.

— У меня две страны, два чемодана и работа, с которой меня отпустили на десять дней ради мужчины, о существовании которого начальница узнала пять минут назад. У нас обоих всё непросто.

— Ты рассказала начальнице обо мне?

— В общих чертах.

— И что именно входило в общие черты?

— Что мне необходимо срочно разобраться в личной жизни.

— Очень канадский подход.

— Она дала отпуск.

— Очень хорошая начальница.

— Поэтому нельзя подвести человека.

Он улыбнулся.

— То есть жениться мы должны из уважения к твоей начальнице?

— Это дополнительное основание. Главное я уже назвала.

Снег за окном начал светлеть. Дом понемногу проступал из темноты: стул с его рубашкой, чемодан у стены, новогодняя мишура на дверной ручке. Вчера вечером мы смеялись над этой мишурой. Алексей украшал дом сам и утверждал, что повесил её временно, чтобы проверить длину. Я не стала спрашивать, почему проверка продолжалась третий день.

Он готовился к моему приезду. Купил билеты в театр, заказал ресторан, заполнил почти пустой дом продуктами и составил программу на несколько дней вперёд. Мужчина, который якобы не умел торопиться, успел сделать всё, кроме одного: сказать, зачем.

Может быть, он и сам не знал.

— Почему я? — спросил Алексей.

Я ожидала любого вопроса, но не этого.

— Потому что рядом с тобой мне не надо придумывать себя.

Он посмотрел прямо на меня.

— В Париже я старалась быть женщиной, достойной Парижа. В Канаде — женщиной, которая умеет жить в Канаде. На работе — сотрудником, который никогда не говорит «не могу». С родителями — дочерью, у которой всё хорошо. С подругами — человеком, который знает, что делает. А рядом

с тобой я могу сидеть в четыре утра в свитере наизнанку и говорить глупости.

— Это сильная сторона наших отношений.

— Не перебивай. Я волнуюсь.

— Уже заметно.

— Ты сейчас должен был сказать, что незаметно.

— Я не хочу начинать семейную жизнь со лжи.

Я всё-таки рассмеялась. Тихо, чтобы не разбудить весь дом, хотя будить было некого. Смех снял с меня страх, как тесную обувь. Я вдруг поняла: что бы он ни ответил, я уже сделала главное. Не дождалась разрешения. Не спряталась за обстоятельства. Не позволила другому человеку решить, как должна выглядеть моя жизнь.

Я пришла и сказала.

Пусть неправильно. Зато сама.

Алексей протянул руку и поправил ворот моего свитера.

— Он у тебя задом наперёд.

— Я знаю.

— И наизнанку.

— Это не относится к существу вопроса.

— Для совместной жизни важно учитывать все обстоятельства.

— Алексей.

— Что?

— Не уходи от ответа.

Он внимательно посмотрел на меня, будто впервые за эту

ночь окончательно проснулся.

— А вот эта маленькая растрёпанная женщина действительно собирается стать моей женой?

— Да.

— Несмотря на то что я не люблю Медведева?

— Это серьёзная проблема, но мы её обсудим.

— Несмотря на мои политические объяснения?

— Я научусь вовремя выключать телевизор.

— Несмотря на звание, гражданство и всё остальное?

— Я восемь лет прожила в другой стране. Меня не напугать документами.

Он снова замолчал.

В этом молчании уместились две наши встречи, океан, чужие города и все слова, которые мы когда-то не сказали. Я смотрела на него и думала, что в первый раз увидела его спиной. Тогда мне хватило нескольких секунд, чтобы понять: этот мужчина мне понравится. Потом он повернулся, улыбнулся, и я испугалась собственного узнавания.

Я улетела к другому.

Теперь он сидел передо мной, сонный, серьёзный, с взъерошенными волосами, и я больше не хотела никуда лететь.

— Элина, — сказал он наконец. — Ты действительно хочешь знать мой ответ прямо сейчас?

— Нет, я пришла в четыре утра обсудить прогноз погоды.

— Тогда ещё один вопрос.

— Какой?

— Как именно мы собираемся жениться?

— Сначала ты говоришь «да». Потом мы покупаем кольца. Потом я возвращаюсь в Ванкувер, собираю вещи и приезжаю к тебе.

— План уже составлен?

— В общих чертах.

— Когда ты успела?

— Между первой и второй фразой.

Он тихо рассмеялся.

— Значит, моё участие начинается с пункта «да»?

— Нет. Ещё завтра ты будешь за рулём.

— Куда мы поедем?

— За кольцами.

— А если я знаю другой магазин?

Я насторожилась.

— Ты знаешь другой магазин?

— Возможно.

— Зачем?

— Элина Ринатовна, вы сейчас задаёте слишком много вопросов для человека, который ворвался ко мне до рассвета с готовым планом семейной жизни.

Он встал, подошёл к окну и раздвинул занавески. За стеклом лежал белый двор. Вдалеке между деревьями уже появлялся бледный утренний свет.

Алексей повернулся ко мне.

Его лицо было спокойным. Тем самым спокойствием, которое когда-то показалось мне равнодушием, потом медлительностью, а теперь вдруг стало похоже на надёжность.

— Что ж, — сказал он. — Тогда мой ответ...

Здесь я останавлиюсь.

Не потому, что забыла его слова. Эту ночь я помню лучше многих дней, прожитых до неё. Просто любой ответ в четыре часа утра покажется слишком лёгким, если не знать, сколько дорог привело нас в этот дом.

До снега за окном были Казань, военные гарнизоны, Венгрия, Париж и Ванкувер. Были длинные чулки, чужие письма, красный галстук, красивые машины, два гадания и фотография мужчины, которого я почти не знала, но почему-то не смогла забыть.

А ещё раньше были две одинаковые кровати.

В них лежали две девочки, похожие друг на друга так сильно, что взрослые сначала различали их по ленточкам. Никто тогда не мог знать, насколько разными окажутся их дороги.

И что одна из этих дорог однажды приведёт меня в зимний дом, где я сама выберу человека и впервые не стану ждать, пока выберут меня.

ГЛАВА 1

Две кровати

Самое трудное — начать.

Особенно когда собираешься рассказать собственную жизнь. С чужими историями всё понятно: сначала произошло одно, затем другое, после чего герой сделал выводы. В своей жизни одно обязательно вспоминается посреди другого, выводы приходят через восемь лет, а человек, который кажется случайным, вдруг оказывается главным.

Поэтому начну с самого простого.

Жила-была семья военного. И однажды в этой семье родились две девочки.

Я и моя сестра.

Разумеется, собственного рождения я не помню. Первые страницы моей жизни сложены из маминых рассказов, папиных уточнений, старых фотографий и семейных споров о том, кто из нас первым открыл глаза. Мама утверждала, что Альбина. Папа был уверен, что я. Сама Альбина в этих обсуждениях участия не принимала, поэтому победителя так и не определили.

Зато все сходились в одном: я появилась на свет немного крупнее, громче и с самого начала вела себя так, будто у меня уже был план.

Альбина была меньше и спокойнее. Она лежала, смотрела на окружающих серьёзными глазами и словно заранее понимала, что взрослые всё равно перепутают.

Так и происходило.

Нас различали по ленточкам.

У меня была одна, у Альбины — другая. Какого цвета досталась каждой, родственники потом вспоминали по-разному. Мама говорила, что у меня была розовая. Бабушка уверяла, что голубая. Папа однажды заявил, что у одной была красная, а у другой никакой не было, после чего мама попросила его больше не участвовать в восстановлении исторической правды.

В конце семидесятых семейные фотографии не делали сотнями. Никто не снимал, как ребёнок впервые зевнул, повернул голову или испачкал новую распашонку. Фотографию готовили как государственное мероприятие.

Девочек следовало умыть, переодеть, уложить рядом и дожидаться момента, когда обе одновременно перестанут плакать.

Такого момента почти не случалось.

Если засыпала я, просыпалась Альбина. Если успокаивалась Альбина, я считала, что в квартире стало подозрительно тихо, и немедленно исправляла положение. Мы действовали слаженно, хотя ещё не умели договариваться.

Первая общая фотография получилась немного размытой. На ней мама сидела, прижимая нас к себе, и улыбалась

так, как улыбаются женщины, которые любят своих детей, но очень хотят хотя бы двадцать минут поспать.

Папа стоял рядом в военной форме.

Он всегда стоял прямо. Даже дома. Даже на фотографиях. Даже когда держал сразу двух младенцев и явно не понимал, почему один из них медленно сползает ему на локоть.

Мама потом рассказывала, что, впервые взяв нас обеих, он долго смотрел то на меня, то на Альбину, а потом спросил:

— А как определить, кто из них кто?

— По ленточкам.

— А если ленточки развяжутся?

— Тогда придётся знакомиться заново.

Папа задумался.

Он привык, что у любого предмета есть обозначение, у любого человека — должность, а у любого подразделения — точное место. Две одинаковые дочери без надёжных опознавательных знаков нарушали эту систему.

— Надо составить порядок, — решил он.

— Какой ещё порядок?

— Кормления, сна и купания.

Мама посмотрела на него с уважением, которого заслуживает человек, ещё не знающий, что новорождённые близнецы не признают утверждённых графиков.

Порядок папа всё-таки составил.

Он взял лист бумаги, разделил его пополам и написал

сверху наши имена. Под именами появились часы кормления, сна и обязательных процедур. Лист прикрепили на стену.

В первые же сутки я поела не по графику, Альбина отказалась спать в назначенное время, а обе обязательные процедуры пришлось проводить одновременно.

К утру лист висел на прежнем месте, но родители уже смотрели на него как на исторический документ, утративший практическое значение.

— Нужна дисциплина, — говорил папа.

— Им нужен месяц от роду, — отвечала мама.

Он не спорил. Просто подходил к кроваткам и пытался определить, кто именно в данный момент нарушает дисциплину.

Кроваток было две.

Одинаковые, деревянные, со светлыми спинками и высокими бортиками. Папа поставил их рядом, тщательно вымерив расстояние до стены. Потом отошёл, посмотрел и передвинул одну на несколько сантиметров.

Мама наблюдала за ним, держа на руках Альбину.

— Теперь что не так?

— Несимметрично.

— Ты уверен, что они это заметят?

— Дети привыкают к порядку с рождения.

Я в это время лежала во второй кровати поперёк матраса, хотя меня укладывали вдоль.

Мама молча показала на меня.

Папа снова передвинул кровать.

С тех пор они стояли рядом. Между ними помещался маленький столик, на котором лежали пелёнки, бутылочки, соски и всё то, без чего, как выяснилось, две маленькие девочки не собирались расти.

Комната была небольшой. Когда обе дверцы кроваток опускались, пройти между ними и шкафом можно было только боком. Папа несколько раз задевал кровать коленом, но переставить её отказывался.

— Должно быть одинаково.

В его понимании одинаковые кровати означали справедливость.

Никто тогда не знал, что одинаковое начало ещё не обещает одинаковой дороги.

Взрослым кажется, что младенцы ничего не понимают. Лежат, смотрят в потолок и ждут, когда их покормят.

Я с этим не согласна.

Дети прекрасно понимают главное: кто берёт их на руки осторожно, кто волнуется, кто устал и кто пытается незаметно передать плачущего ребёнка другому взрослому.

Папа, например, держал нас уверенно только тогда, когда мы молчали. Если одна из нас начинала плакать, он сначала прижимал её к себе, затем проверял пелёнку, потом смотрел на часы и звал маму.

— Лариса, она плачет.

— Я слышу.

— Может, ей что-то нужно?

— Конечно. Она же ребёнок.

— Что именно?

— Возьми её на руки.

— Она уже у меня на руках.

— Тогда походи с ней.

Папа начинал ходить по комнате строевым шагом.

Не потому, что хотел маршировать. Другого шага он, вероятно, в тот период просто не признавал.

Удивительно, но это помогало. Мы затихали под равномерное покачивание и звук его шагов. Позднее мама шутила, что у других детей были колыбельные, а у нас — строевая подготовка.

Папа знал несколько песен, но исполнял их настолько серьёзно, будто докладывал командованию. Слова он иногда путал, мелодию менял по ходу и неизменно заканчивал раньше положенного.

Если песня не помогала, он рассказывал нам о службе.

— Вот вы сейчас лежите и не понимаете, — говорил он, прохаживаясь между кроватками, — что такое ответственность.

Мы слушали.

— У вас задача — спать. У родителей задача — обеспечить условия.

Я начинала хныкать.

— Условия обеспечены, — напоминал папа.

Я хныкала громче.

— А вот это уже нарушение договорённости.

Мама смеялась из кухни:

— Она ничего с тобой не подписывала.

Я думаю, именно тогда у меня впервые возникло уважение к документам. Если бы соглашение существовало, всё было бы гораздо понятнее.

Альбина относилась к папиным выступлениям спокойнее. Она долго смотрела на него своими внимательными глазами, словно пыталась понять, почему этот большой человек объясняет что-то тем, кто ещё не умеет держать голову.

— Эта серьёзная, — говорил папа.

— А Элина?

Он переводил взгляд на меня. Обычно в этот момент я размахивала руками, сбрасывала одеяло или пыталась повернуться поперёк кровати.

— Эта деятельная.

Так в нашей семье называли человека, которому трудно спокойно лежать.

С возрастом ничего особенно не изменилось.

Две кровати стояли рядом, но мы быстро научились занимать в них пространство по-разному. Альбина спала аккуратно, почти не меняя положения. Я просыпалась то у спинки, то у бортика, то поперёк матраса, как будто всю ночь искала выход.

Мама укрывала меня снова.

Через несколько минут одеяло оказывалось на полу.

Она укрывала ещё раз.

В конце концов мама перестала бороться с моим характером и начала надевать на меня одежду потеплее.

— Пусть двигается, — говорила она.

В этих словах была вся мама. Она умела заботиться, не превращая заботу в клетку.

В нашей комнате всё было парным: две кроватки, два маленьких одеяла, две бутылочки, две стопки пелёнок. Даже игрушки старались покупать одинаковые, чтобы никто не был обижен.

Но младенцы не знают, что игрушки распределены справедливо.

Если рядом с Альбиной лежала погремушка, мне требовалась именно она. Если мне давали такую же, но другую, я воспринимала это как попытку обмана.

— Они одинаковые, — объяснял папа.

Я тянулась к погремушке сестры.

— Абсолютно одинаковые.

Я начинала возмущаться.

— Лариса, почему она не берёт свою?

— Потому что ей нужна чужая.

— Но они одинаковые.

— Объясни ей ещё раз.

Папа объяснял.

Я не соглашалась.

Альбина наблюдала за переговорами и в какой-то момент сама отпускала игрушку. Тогда я немедленно теряла к ней

интерес.

Наверное, сестра первой поняла мой характер.

Мне нужен был не предмет. Мне нужно было убедиться, что до него можно дотянуться.

Взрослые часто сравнивали нас.

Кто раньше улыбнулся. Кто лучше поел. Кто дольше проспал. Кто громче плакал. Кто быстрее прибавлял в весе.

Я была крупнее и активнее. Альбина — тоньше, тише и терпеливее.

Но стоило одной из нас заплакать, вторая почти сразу присоединялась.

Иногда из солидарности.

Иногда от испуга.

Иногда потому, что близнецы, по всей видимости, считают несправедливым, когда всё внимание достаётся только одной.

Особенно хорошо мы работали по ночам.

Сначала просыпалась одна.

Мама вставала, подходила к кровати и старалась сделать всё тихо. Папа продолжал спать, но по напряжённому выражению его лица было видно, что он внимательно не просыпается.

Когда первая девочка успокаивалась, просыпалась вторая.

Мама переходила к соседней кровати.

Папа переворачивался на другой бок и ещё убедительнее изображал сон.

На третьем круге мама говорила:

— Я вижу, что ты не спишь.

— Я оцениваю обстановку.

— Оцени её стоя.

Папа вставал.

Каждому доставалось по ребёнку.

После этого начиналась ночная жизнь нашей семьи: шаги, шёпот, скрип половиц, звон бутылочек и короткие переговоры двух взрослых людей, которые ещё недавно считали себя хозяевами собственного времени.

— Твоя уснула?

— Почти.

— Не разговаривай.

— Я шёпотом.

— Она слышит.

— Она спит.

Я немедленно открывала глаза.

— Вот видишь, — говорила мама.

До появления близнецов папа мог управлять людьми, техникой и служебными задачами. После нашего рождения выяснилось, что два младенца способны за одну ночь полностью изменить систему командования.

Впрочем, он быстро учился.

Через некоторое время папа уже различал нас без ленточек. По крайней мере, так он говорил.

— Это Элина, — уверенно произносил он, поднимая одну

из нас.

— Это Альбина, — поправляла мама.

— Я проверял тебя.

— Конечно.

Он перекладывал ребёнка в другую кроватку.

— Тогда это Элина.

— Нет. Это всё ещё Альбина.

Папа снова смотрел на нас.

— Вы специально?

Я думаю, иногда мы действительно делали это специально.

О том времени у нас сохранилось немного вещей.

Несколько фотографий. Маленькая распашонка. Детское

одеяло, которое мама почему-то не выбросила даже тогда, когда оно стало совсем тонким. И рассказ о двух кроватках.

Кроватки запомнили все.

Родственники приходили в гости и сначала шли к одной, потом к другой. Бабушки наклонялись над нами и пытались найти различия.

— У этой нос папин.

— Они обе с папиным носом.

— Нет, у второй мамин.

— Ты минуту назад сказала, что это первая.

— Значит, их переложили.

Нас действительно иногда перекладывали. Не для того, чтобы запутать родственников, хотя результат получался именно таким. Просто маме казалось, что у стены прохладнее, и она меняла кроватки местами.

Папа каждый раз возвращал их обратно.

— Здесь всё было рассчитано.

— Что именно?

— Расположение.

— По какому принципу?

Он оглядывал комнату, словно искал составленный прежде план.

— По правильному.

Мама не спорила. Она уже знала: если человек не может объяснить принцип, но уверен в его правильности, проще подождать. Жизнь сама передвинет мебель.

Наша семья готовилась к очередным переездам. Военная служба означала, что дом может в любой момент сменить адрес. Взрослые обсуждали города, назначения, расстояния и вещи, которые придётся брать с собой.

Мы лежали в кроватках и ничего об этом не знали.

Для нас весь мир помещался в одной комнате.

Мир начинался с маминого голоса, продолжался папиными шагами и заканчивался деревянными бортиками. За окном ездили машины, люди спешили по делам, страна жила своей огромной жизнью, а мы учились узнавать друг друга.

Мне нравится думать, что первой я научилась узнавать именно Альбину.

Когда взрослые выходили из комнаты, мы оставались вдвоём. Две кроватки стояли так близко, что, просунув руку между прутьями, можно было почти дотянуться до соседней.

Почти — очень важное слово в моей жизни.

Почти дотянуться.

Почти решиться.

Почти сказать.

Почти выбрать правильную дорогу.

В детстве расстояние между мной и сестрой равнялось ширине двух деревянных бортиков и маленького столика. Казалось, оно никогда не станет больше.

Иногда мама находила нас повёрнутыми лицом друг к другу.

— Смотри, — звала она папу. — Они разговаривают.

— Они не умеют разговаривать.

— Значит, договариваются без слов.

Папа подходил ближе.

Я издавала какой-нибудь звук. Альбина отвечала.

— О чём? — спрашивал он.

— Наверное, обсуждают нас.

— Тогда почему смеётся только одна?

— Вторая серьёзная.

В такие минуты мама выглядела счастливой. Уставшей, невыспавшейся, иногда растрёпанной, но счастливой.

Папа тоже улыбался, хотя старался делать это сдержанно.

Они ещё не знали, сколько решений им предстоит принять. Не знали, сколько городов появится на семейной карте. Не знали, что одинаковые кровати однажды окажутся в разных мирах.

Пока мы были рядом.

Две девочки.

Два одеяла.

Две пары маленьких ладоней.

Одна семья.

Я могла бы закончить первую главу здесь.

На двух кроватках, стоящих рядом. На родителях, которые ещё верили, что самое сложное — научиться различать дочерей. На фотографии, где вся семья поместилась в один кадр и никто не знал, сколько дорог ждёт впереди.

Наверное, хорошие истории детства именно так и должны начинаться: дом, мама, папа и две девочки, которые засыпают, повернувшись друг к другу.

Но жизнь редко спрашивает, в каком месте лучше закончить главу.

Однажды мама заметила, что мы обе стали непривычно тихими.

Сначала она даже обрадовалась.

В квартире наконец не плакали, не требовали бутылочку и

не спорили с родительским распоряжением. Можно было спокойно убрать со стола, сложить пелёнки и выпить чай, пока он оставался горячим.

Потом из комнаты донёсся кашель.

Мама поставила чашку и подошла к кроваткам.

Альбина лежала, тяжело дыша. Щёки у неё покраснели. Я тоже не спала и смотрела в потолок, не пытаясь сбросить одеяло.

Мама коснулась сначала её лба, потом моего.

Позвала папу.

Он вошёл быстро, уже без обычных шуток и рассуждений о порядке. Наклонился над одной кроваткой, затем над второй.

В тот вечер они впервые посмотрели на нас не как на двух похожих девочек, которых трудно различить.

Они увидели двух дочерей, которым одновременно требовалась помощь.

Папа снял со спинки стула военную форму.

Мама начала собирать детские вещи.

А две одинаковые кроватки остались ждать нас в тёмной комнате.

Тогда никто ещё не знал, что домой мы вернёмся не одновременно.

ГЛАВА 2

Тяжёлая артиллерия

Первой домой вернулась я.

Звучит почти как достижение, хотя никаких особых усилий я к этому не приложила. Я просто оказалась немного крепче Альбины. Мама говорила — крупнее. Папа утверждал — выносливее. Бабушка считала, что всё дело в аппетите.

В семейных рассказах разница между нами с годами становилась всё внушительнее. Если верить папе, я уже в младенчестве выглядела так, будто могла самостоятельно получить сухой паёк, расписаться за него и проследить, чтобы сестре досталась равная доля.

На фотографиях этого, конечно, не видно.

Там лежат две маленькие девочки, завёрнутые в одинаковые одеяла. Одна смотрит в потолок, другая спит. Кто из них я, определить невозможно. Мама различала нас сразу. Папа сначала искал условные признаки.

— У этой щёки круглее.

— У обеих круглые.

— Тогда эта серьёзнее смотрит.

— Она зевает.

— Значит, серьёзно зевает.

К концу первого месяца он разработал целую систему.

Альбину клали ближе к окну, меня — ближе к двери. На моей распашонке завязывали светлую ленточку. На Альбининой — тёмную. Папа нарисовал схему и прикрепил её над кроватками.

Схема продержалась до первой стирки.

После неё ленточки отвязались, распашонки перемешались, а мы с сестрой снова стали для отца двумя одинаковыми секретными объектами.

Мама над ним смеялась, но недолго. У молодых родителей близнецов вообще не так много времени для продолжительного веселья. Только начинаешь смеяться — и кто-нибудь обязательно просыпается.

Мы заболели тоже вместе.

Сначала появился кашель. Тихий, редкий, почти незаметный. Потом поднялась температура. Мама брала на руки то меня, то Альбину, прикладывала губы ко лбу и с каждой минутой становилась всё тревожнее.

Папа действовал по привычке человека, который полагал, что любую чрезвычайную ситуацию можно победить правильной организацией.

Он распахнул шкаф, достал сумку и спросил:

— Что брать?

— Пелёнки.

— Сколько?

— Все.

Это был ответ, с которым военному человеку трудно ра-

ботать.

— Лариса, «все» — это не количество.

— Тогда бери столько, сколько поместится.

Папа воспринял указание буквально. Через несколько минут сумка перестала закрываться. Из неё торчали пелёнки, детское одеяло, бутылочки, полотенце, мамины тапочки и почему-то папина форменная рубашка.

— Рубашка зачем? — спросила мама.

Он посмотрел внутрь сумки так, словно рубашка проникла туда самостоятельно.

— Видимо, машинально.

— А ремень тоже машинально?

Папа извлёк ремень, рубашку и пачку документов, без которых, по его мнению, человеку было опасно отходить от дома дальше чем на сто метров.

Больше мама его к сборам не подпускала.

В больницу нас привезли поздним вечером. Было холодно. Папа нёс одну девочку, мама — другую. Они торопились по длинному коридору, пахнушему лекарствами, влажной тканью и ещё чем-то особенным, больничным, что невозможно назвать, но потом узнаёшь всю жизнь.

Я этого не помню.

Свои первые годы мы вообще знаем в основном со слов тех, кто держал нас на руках. Наши воспоминания начинаются позже, а до них существуют мамины рассказы, папины шутки, старые фотографии и несколько фраз, произнесён-

ных взрослыми так много раз, что со временем они становятся почти твоей собственной памятью.

Мне кажется, я вижу тот коридор.

Мама сидит на жёсткой скамейке и держит нас обоих. Папа стоит рядом. Сесть он не может. Если папа волновался, ему требовалось двигаться. Он ходил от окна к двери, от двери к окну и время от времени смотрел на часы, будто врач задерживался не из-за больных детей, а нарушал утверждённый график.

— Не ходи, — попросила мама.

Папа остановился.

Через полминуты снова пошёл.

Врач осмотрел нас и сказал, что обоих нужно оставить в больнице. Воспаление лёгких.

Сейчас эти слова произносятся быстро. Два слова. Несколько секунд.

Для моих родителей они растянулись на много дней.

Маме пришлось передать нас медсёстрам и уйти домой с пустыми руками. Папа нёс ту самую сумку, которую они собирали вдвоём. Теперь она казалась слишком лёгкой.

Дома стояли две кровати.

Мама подошла к ним, поправила простыни, хотя поправлять там было нечего, и отвернулась. Папа снял шинель, повесил её, потом зачем-то снова надел и только после этого понял, что делает.

— Завтра с утра поедем, — сказал он.

— Нас не пустят с утра.

— Тогда будем ждать рядом.

— Где?

Папа немного подумал.

— Найдём где.

Это было очень на него похоже. Он не всегда знал, что именно нужно делать, но был совершенно уверен, что действие существует и его необходимо найти.

Первые дни сведения о нас были короткими.

Температура держится.

Лечение начали.

Состояние стабильное.

Слово «стабильное» родители тогда невзлюбили. В обыч-

ной жизни оно означает что-то надёжное. Стабильная работа. Стабильная зарплата. Стабильный человек. Но возле больничной двери выяснилось, что стабильность бывает такой, от которой совершенно не хочется радоваться.

Папа пытался задавать точные вопросы:

— Какая температура?

— Чем лечат?

— Когда будет результат?

— Что требуется от нас?

Последний вопрос он повторял чаще остальных.

От родителей почти ничего не требовалось. Ждать, приезжать в положенное время, приносить необходимое и верить людям в белых халатах.

Для папы ожидание было самым тяжёлым заданием. Оно не предусматривало ни плана, ни срока исполнения, ни возможности доложить о готовности.

Мама переносила всё иначе. Она разговаривала мало, но замечала каждую подробность. Как посмотрел врач. С какой интонацией ответила медсестра. Сразу ли взяли принесённые вещи. Не отвела ли женщина за стеклом глаза.

Через несколько дней я начала поправляться.

Альбина — нет.

Организм у неё оказался слабее. Ей требовалось более серьёзное лечение. Когда врач произнёс название лекарства, родители ничего не поняли. Они услышали только, что это сильный антибиотик и сейчас он необходим.

Потом в нашей семье его будут называть тяжёлой артиллерией.

Папе это выражение было понятно. Тяжёлая артиллерия вступает тогда, когда обычных средств уже недостаточно. Она должна остановить наступление, защитить, спасти.

Никто не предупредил родителей, что у спасения иногда бывает цена.

Но это они узнают позже.

Сначала им сообщили, что меня можно забрать домой.

Мама обрадовалась и тут же испугалась собственной радости.

— А Альбина?

— Ей нужно остаться.

— Надолго?

— Пока на неделю. Дальше посмотрим.

— Одну?

Врач мягко объяснил, что сестре необходимо продолжать лечение. Мама кивнула, но не двинулась с места.

Забрать одного ребёнка и оставить другого — для этого не существует правильного движения. Нельзя одной рукой радоваться, а другой тревожиться. Нельзя разделить сердце ровно пополам и приказать каждой половине чувствовать что-то своё.

Мама подошла к Альбине. Та лежала под больничным одеялом, непривычно маленькая без своей кровати, без знакомых стен и без меня рядом.

— Я скоро приеду, — прошептала мама. — Ты только поправляйся.

Потом взяла меня на руки.

В тот день мы впервые оказались по разные стороны двери.

Папа ждал на улице. Увидев маму со мной, он шагнул навстречу и сразу посмотрел ей за спину.

— Где Альбина?

Мама покачала головой:

— Оставили ещё на неделю.

Он хотел что-то сказать, но не сказал. Только забрал у неё сумку и осторожно коснулся ладонью моего лба.

Домой меня везли одну.

Полагаю, я не оценила историческое значение этого события. Я спала, сопела и вела себя как человек, полностью уверенный, что взрослые разберутся со всеми обстоятельствами без его участия.

Дома папа положил меня не в мою кроватку.

— Это Альбинина, — сказала мама.

Он немедленно переложил меня в соседнюю.

Через минуту мама посмотрела на кровати и нахмурилась:

— Или нет... Эта Альбинина.

Папа замер со мной на руках.

— Лариса, давай определимся.

— Какая теперь разница?

Разница была. Одна кровать оставалась пустой.

Мама всё равно застелила её свежей простынёй, расправила одеяло и положила рядом чистую распашонку. Словно Альбина могла вернуться в любую минуту, а дома должны были быть готовы.

Ночью я проснулась и заплакала.

Мама подошла, взяла меня на руки, покормила, покачала. Но я долго не успокаивалась. Поворачивала голову к соседней кровати и снова начинала плакать.

Возможно, я искала сестру.

Возможно, у меня болел живот.

Мама была уверена в первом. Папа осторожно предположил второе. Этот спор они продолжали много лет, и каждый остался при своём мнении.

Мне нравится мамина версия.

Мы с Альбиной провели рядом всю нашу короткую жизнь. Девять месяцев до рождения и каждый день после. Мы ещё не знали слов «сестра», «близнец», «разлука», но уже привыкли слышать дыхание друг друга.

А потом рядом стало тихо.

Через неделю Альбину выписали.

В тот день родители приехали за ней вместе. Папа заранее проверил документы, машину, одеяло и содержимое сумки. Рубашки и ремня на этот раз в ней не было.

Мама почти бежала по коридору.

Альбина была бледной и похудевшей, но живой. Для родителей это было главным. Они слушали рекомендации, кивали, переспрашивали, старались ничего не упустить.

Лёгкие очистились. Температуры не было. Опасность миновала.

Так им тогда казалось.

Дома нас снова положили рядом.

Мама наклонилась над кроватками и позвала:

— Девочки мои.

Я повернула голову.

Альбина продолжала смотреть перед собой.

Мама не насторожилась. Сестра недавно перенесла тяжёлую болезнь, ослабла, устала. Ей требовалось время.

На следующий день на кухне упала ложка.

Я вздрогнула и заплакала.

Альбина не шевельнулась.

— Крепко спит, — сказал папа.

Мама подошла ближе. Провела рукой перед лицом дочери. Альбина проследила глазами за движением и улыбнулась.

Мама тоже улыбнулась, но тревога уже появилась. Совсем маленькая, едва заметная. Как первая точка на чистом листе.

Вечером хлопнула входная дверь. Я снова отреагировала, Альбина — нет.

Папа встал возле её кроватки и тихо позвал:

— Альбиночка.

Сестра смотрела в другую сторону.

Он позвал громче.

Она не повернулась.

Тогда папа взял связку ключей и осторожно звякнул ими сначала справа, потом слева. Альбина заметила блеск металла, протянула руку и засмеялась.

На звук она не отреагировала.

Родители переглянулись.

Есть взгляды, для которых не нужны слова. Один человек

ещё надеется, что ошибся. Другой тоже надеется, но уже понимает: проверять придётся немедленно.

Утром они снова повезли Альбину к врачам.

Потом были кабинеты, обследования, ожидание под дверью. Были осторожные фразы и тяжёлые паузы. Были объяснения, в которых мама пыталась найти хотя бы одно слово, способное всё отменить.

Такого слова не нашлось.

Слуха у Альбины почти не осталось.

Как потом объясняли родителям, причиной могло стать сильное лекарство, которое применили во время лечения воспаления лёгких. То самое, без которого болезнь могла оказаться ещё опаснее.

Я много раз думала об этом уже взрослой.

Очень легко судить о прошлом, когда знаешь, чем оно закончилось. Легко назначить виноватых, раздать каждому правильные решения и мысленно спасти всех задним числом.

Только мои родители тогда не знали будущего.

Они привезли в больницу двух больных дочерей и доверились людям, которые должны были сохранить им жизнь. Врачи боролись с воспалением. Лекарство помогло лёгким Альбины — и, возможно, отняло у неё возможность слышать.

Тяжёлая артиллерия остановила одну беду и оставила после себя другую.

Мама плакала дома, чтобы Альбина не видела её лица. Папа не плакал. Он сидел за столом, положив перед собой медицинские бумаги, и перечитывал их снова и снова.

Вероятно, он искал там план действий.

Но в бумагах были только заключения.

Через несколько дней папа собрал все документы в одну папку, застегнул её и сказал:

— Значит, будем учиться жить так.

Не «почему это случилось».

Не «что теперь будет».

Будем учиться.

В этом заключался весь папа.

Мама села рядом:

— Ей понадобится специальная школа.

— Найдём.

— Такие школы есть не везде.

— Значит, найдём там, где есть.

Они начали узнавать. Спрашивали врачей, знакомых, других родителей. Выяснилось, что в Казани есть специальный интернат и педагоги, которые работают с детьми, потерявшими слух. Родители понимали, что откладывать помощь до школьного возраста нельзя. Альбине уже сейчас требовались регулярное наблюдение, занятия со специалистами и постоянная работа с семьёй. При военных переездах обеспечить такую непрерывность было бы трудно.

Но наша семья была семьёй военного.

Сегодня отец служил здесь, завтра мог получить назначение за тысячи километров. Приказ не спрашивал, удобно ли семье переезжать. Не интересовался, есть ли в новом гарнизоне нужная школа. Не давал времени дожидаться более подходящего возраста.

Перед родителями возник выбор, которого они не хотели. Везить Альбину по военным городкам, где ей могли не обеспечить необходимого обучения.

Или оставить её в Казани — рядом с бабушкой, дедушкой, врачами и специальной школой.

Оставить одну из дочерей.

Увезти другую.

Мне хочется написать, что решение нашлось сразу. Что взрослые сели за стол, всё разумно обсудили и выбрали единственно правильный путь.

Но настоящие решения так не принимаются.

Мама соглашалась утром и отказывалась вечером. Папа говорил, что нужно думать о будущем Альбины, а потом среди ночи вставал и подходил к нашим кроваткам. Бабушка обещала, что девочка всегда будет окружена заботой. Дедушка перечислял врачей, адреса и возможности.

Все говорили разумные вещи.

От этого становилось только тяжелее.

А мы с Альбиной лежали рядом и смотрели друг на друга.

Я что-то лепетала. Она не слышала моего голоса, но видела моё лицо. Когда я протягивала руку между прутьями

кроватки, сестра тянулась ко мне.

Именно такими я представляю нас в тот момент: две маленькие девочки, которые ещё не знают, что взрослые уже делят для них карту страны.

В нашей комнате по-прежнему стояли две одинаковые кроватки.

Одинаковые матрасы. Одинаковые одеяла. Одинаковые игрушки над изголовьем.

Только теперь жизнь уже провела между ними первую невидимую границу.

Мы родились вместе.

Вместе заболели.

Но очень скоро одной из нас предстояло уехать вслед за

военными назначениями отца.

А другой — остаться в Казани.

И взрослым нужно было решить, кому из двух девочек достанется какая дорога.

ГЛАВА 3

Одна остаётся в Казани

Есть решения, которые взрослые принимают за детей, потому что дети ещё не умеют выбирать.

А есть решения, которые взрослые принимают за детей и потом всю жизнь спрашивают себя, правильно ли они поступили.

Решение оставить Альбину в Казани было именно таким. Оно не возникло в один вечер. Никто не положил на кухонный стол два листка, не написал на одном «взять с собой», на другом «оставить» и не подвёл черту.

Сначала родители надеялись, что слух вернётся.

Мама хлопала дверцами шкафа чуть громче обычного. Папа звенел ключами, подходя к кровати с разных сторон. Бабушка роняла на кухне ложки и каждый раз замирала.

Я вздрагивала.

Альбина смотрела на наши лица.

Она быстро научилась замечать то, чего не замечали мы. Движение губ. Поднятые брови. Поворот головы. Руку, потянувшуюся к чашке. Тень человека, появившегося в дверях.

Если мир перестал разговаривать с ней звуками, она начала читать его глазами.

Взрослые возили сестру к врачам. Сидели в коридорах.

Показывали бумаги. Ждали, что очередной специалист посмотрит заключение, нахмурится и скажет:

— Здесь ошибка.

Ошибки не находилось.

Наоборот, с каждым новым кабинетом становилось яснее. жизнь Альбины теперь потребует особого обучения, терпения и людей, которые знают, как помочь ребёнку без слуха понимать других и быть понятым.

Такие специалисты были не везде.

В Казани существовали специальная школа и интернат. Были педагоги, которые умели работать с такими детьми. Были врачи. Были родственники. Был знакомый двор, дом, две кровати и бабушка, способная накормить человека даже в том случае, если он забежал на одну минуту и уже пообедал.

А у папы была военная служба.

Служба обладала замечательным качеством появляться именно тогда, когда семье требовалось время.

Приказ о новом назначении пришёл без всякого уважения к нашим обстоятельствам. Ему было совершенно безразлично, что в доме две маленькие девочки, что одна недавно потеряла слух, а мама ещё не научилась произносить это спокойно.

Приказ сообщал, куда явиться и когда.

Остальное считалось личным вопросом семьи.

Папа принёс бумаги домой и положил на стол.

Мама посмотрела на него:

— Далеко?

Он помолчал.

— Далеко.

— Насколько?

Папа развернул карту.

В семье военного ответ на вопрос «насколько далеко» всегда лучше давать при помощи карты.

Палец от Казани двинулся вправо. Прошёл через половину страны и остановился на Дальнем Востоке, в Хабаровском крае.

Мама долго смотрела на это расстояние.

— А школа?

— Узнаю.

На следующее утро папа начал узнавать.

В этом он был силён. Если существовало учреждение, ответственное лицо, телефон или кабинет с табличкой, отец рано или поздно до него добирался.

Он звонил, писал, спрашивал сослуживцев. Выяснял, есть ли в месте нового назначения специалисты, можно ли организовать занятия, куда обращаться, какие потребуются документы.

Ответы были осторожными.

Обычный детский сад — да.

Обычная школа — потом.

Специальные педагоги — неизвестно.

Интернат — далеко.

Регулярное наблюдение — затруднительно.

Слово «затруднительно» папа тоже невзлюбил. Оно означало, что прямого отказа ему не дают, но рассчитывать особенно не на что.

Мама предлагала взять обеих дочерей.

— Разберёмся на месте.

— А если не разберёмся?

— Значит, будем ездить.

— Куда?

На этот вопрос у неё ответа не было.

Можно было возить ребёнка через десятки и сотни километров. Можно было искать педагогов при каждом новом назначении. Можно было надеяться, что следующая военная точка окажется удобнее предыдущей.

Но детство не умеет ждать, пока взрослым выпадет подходящий адрес.

Альбине нужно было учиться сейчас — сначала понимать жесты, затем говорить с миром доступным ей способом, читать, писать, общаться с другими детьми.

Родители выбирали не между хорошим и плохим.

Им предстояло выбрать между двумя вариантами, каждый из которых причинял боль.

К обсуждению подключилась бабушка.

Она выслушала родителей, поправила на столе скатерть и сказала:

— Альбина останется со мной.

Не «может остаться».

Не «давайте подумаем».

Останется.

В каждой семье есть человек, который прекращает бесполезный спор одной фразой. У нас этим человеком чаще всего оказывалась бабушка.

— Мама, ты понимаешь, что это надолго? — спросила Лариса Михайловна.

— Понимаю.

— Это не на неделю.

— Я умею считать больше чем до семи.

— Ей будут нужны занятия.

— Будем заниматься.

— Нужно будет возить её.

— Будем возить.

— А если...

— Лариса, — перебила бабушка, — если ты сейчас перечислишь мне все несчастья на двадцать лет вперёд, поезд ближе не станет.

Мама замолчала.

Папа впервые за весь разговор едва заметно улыбнулся.

Бабушка посмотрела на него:

— А ты чего улыбаешься? Тебя это тоже касается. Будешь писать, звонить и приезжать.

— Так точно.

— Не «так точно», а по-человечески.

— Буду.

После этого они пили чай.

Не потому, что решение стало лёгким. Просто в нашей семье после любого серьёзного разговора ставили чайник. Возможно, взрослые верили, что кипяток способен привести мысли в порядок.

Бабушка принесла варенье, нарезала хлеб, поставила на стол конфеты. Все говорили о документах, расписании, дороге до школы, врачах и вещах.

Так проще.

Когда обсуждаешь, сколько нужно пелёнок и кто будет забирать ребёнка после занятий, можно некоторое время не говорить о том, как мама уедет с одной дочерью, оставив другую.

Не знаю, понимали ли мы с Альбиной, что происходило вокруг.

Дети чувствуют перемены раньше, чем узнают их название.

Взрослые начинают чаще открывать шкафы. На полу появляются сумки. Из комнаты в комнату переносят стопки одежды. Мама разговаривает тише. Папа проверяет документы чаще, чем обычно. Бабушка вдруг начинает приходить каждый день.

А ещё взрослые слишком бодро говорят:

— Всё будет хорошо.

Когда эту фразу повторяют много раз, ребёнок догадывается: происходит что-то серьёзное.

Папа снова взялся за сборы.

После больничной сумки ему хотелось доказать, что он способен правильно упаковать детские вещи.

Он принёс два небольших чемодана и поставил их рядом.

— Этот — Элины. Этот — Альбины.

Мама посмотрела на него:

— Альбина остаётся здесь.

— Я знаю.

— Тогда зачем ей чемодан?

Папа немного растерялся.

Он ещё не привык к мысли, что собирать нужно только одного ребёнка.

Один чемодан он убрал.

Второй остался на полу.

Мама складывала мои вещи медленно. Ползунки, распашонки, тёплую кофту, маленькие носки. Потом достала такую же кофту Альбины и положила рядом.

Бабушка осторожно переложила её обратно в шкаф.

— Эта останется.

Из шкафа на мать смотрели две одинаковые стопки детской одежды. Раньше это было удобно: всё покупалось в двух экземплярах. Теперь одинаковые вещи впервые должны были отправиться в разные стороны.

Мама взяла две игрушки — маленьких матерчатых зайцев.

Одного положила в чемодан.

Второго отдала Альбине.

Мне потом рассказывали, что заяц Альбины долго лежал возле её подушки. Мой путешествовал вместе со мной по военным гарнизонам, терял ухо, однажды оказался в коробке с обувью и пережил несколько переездов.

Возможно, именно тогда наши игрушки начали жить так же, как мы.

Один заяц остался в Казани.

Другой отправился через всю страну.

Перед отъездом родители ещё раз поехали смотреть место, где Альбине предстояло учиться.

Здание было обычным. Коридор, окна, детские рисунки, ряды маленьких стульев. Мама ожидала увидеть что-то пугающее, но увидела детей.

Они играли.

Спорили.

Смеялись.

Разговаривали руками, лицами, движениями.

Мир не закончился. Он просто оказался устроен иначе.

Педагог показала родителям, как привлекать внимание ребёнка, как находиться в поле его зрения, как не отворачиваться во время разговора. Объяснила, что потребуется терпение и постоянство.

Папе слово «постоянство» понравилось больше, чем «затруднительно».

— Что требуется от семьи? — спросил он.

Это снова был его главный вопрос.

Педагог начала перечислять.

Отец записывал.

Мама смотрела на детей.

Одна девочка сидела у окна и аккуратно складывала цветные кубики. Мальчик напротив пытался забрать красный, но девочка так выразительно посмотрела на него, что необходимость в звуках действительно отпала.

Мама впервые за долгое время улыбнулась.

Она поняла важную вещь: тишина не означает пустоту.

У Альбины будет язык. Будут друзья. Будут учителя. Будет жизнь, которую она сможет строить сама.

Понимание не отменило боль.

Но сделало решение возможным.

Дома мама стала учиться говорить с дочерью по-новому. Она садилась напротив, чтобы Альбина видела лицо. Показывала предметы. Повторяла движения. Радовалась каждому ответному жесту.

Я участвовала в занятиях без приглашения.

Если мама поднимала ложку, я пыталась отобрать её.

Если показывала игрушку Альбине, я тянулась первой.

Если просила меня посидеть спокойно, я воспринимала это как предложение немедленно куда-нибудь поползти.

По словам бабушки, именно тогда стало ясно: из двух близнецов одна будет внимательно наблюдать за миром, а вторая постарается принять в нём самое деятельное участие.

Думаю, нетрудно догадаться, кто из нас кем оказался.

Альбина следила за лицами.

Я — за открытыми дверями.

Она могла долго рассматривать одну игрушку.

Мне требовалось узнать, что находится за диваном, под столом и внутри папиной служебной папки.

Однажды отец обнаружил, что важный лист украшен отпечатком моей ладони и следами детского питания.

— Ознакомилась с документом, — сказала бабушка.

— Судя по всему, согласовала, — ответил папа.

Это был один из последних вечеров, когда мы все находились в одной квартире и ещё могли притворяться, что ничего не изменилось.

Потом наступил день отъезда.

На вокзал приехали заранее. Папа иначе не умел. Если поезд отправлялся в определённое время, наша семья должна была оказаться на платформе с таким запасом, будто существовала вероятность, что состав передумает и уйдёт раньше.

Рядом стояли чемоданы.

Мама держала меня.

Бабушка — Альбину.

Отец проверял билеты, документы и багаж, хотя уже проверял их дома, в машине и у входа на вокзал.

— Всё на месте, — сказала мама.

— Проверяю.

— Ты пять раз проверил.

— Значит, сейчас шестой.

Вокруг шли люди. Громко объявляли поезда. Скрипели тележки. Кто-то звал провожающих. Кто-то смеялся. Кто-то плакал, не скрываясь.

Для Альбины вокзал выглядел иначе.

Она не слышала объявлений и стука колёс, но видела движение. Пар над составом. Машущие руки. Быстрые шаги. Мамино лицо.

Сестра тянулась к ней.

Мама наклонилась и поцеловала Альбину. Потом ещё раз. Поправила шапочку. Провела рукой по щеке.

— Я скоро приеду.

Фраза была взрослой и разумной.

Слово «скоро» — нет.

Для маленького ребёнка оно ничего не означает.

Отец взял Альбину на руки. Держал долго. Потом передал бабушке и отвернулся к вагону, будто вспомнил о багаже.

Наверное, ему было необходимо сделать хотя бы что-нибудь практическое.

Мужчина может сколько угодно быть военным, но это не помогает, когда нужно оставить на платформе собственную дочь.

Когда объявили посадку, бабушка подняла ладонь.

Альбина повторила её движение.

Мама помахала в ответ.

Я, по семейному преданию, решила, что все машут исключительно мне, и тоже принялась размахивать обеими руками.

Бабушка потом рассказывала, что именно это спасло их от слёз. Я сидела у мамы на руках, торжественно прощалась со всей платформой и выглядела как маленький начальник вокзала, лично разрешивший поезду отправляться.

Дверь вагона закрылась.

Папа поставил чемодан под сиденье. Мама села у окна, не снимая пальто, и прижала меня к себе.

За стеклом бабушка держала Альбину.

Две девочки смотрели друг на друга, пока между ними медленно двигалась платформа.

Потом вокзал закончился.

Начались дома.

Потом деревья.

Потом дорога.

В тот день наши судьбы впервые разошлись не в мыслях взрослых, не на карте и не в медицинских бумагах.

Одна дорога осталась в Казани.

Другая уходила на восток.

Я не помню тот поезд. Не помню маминых рук, лица Аль-

бины за стеклом и стука колёс.

Но иногда память живёт не в голове.

Она остаётся в необъяснимом желании позвонить близкому человеку, даже если разговаривать особенно не о чем. В тревоге перед отъездом. В привычке оглядываться на перроне. В убеждении, что прощаться нужно как следует, потому что никогда не знаешь, сколько продлится дорога.

Альбина осталась в Казани не потому, что её любили меньше.

Наоборот.

Иногда любовь означает взять ребёнка с собой.

А иногда — оставить его там, где ему смогут помочь, и уехать, зная, что часть тебя остаётся рядом с его кроватью.

В купе папа достал документы.

Сверху лежал лист с новым назначением.

Мама посмотрела на него:

— Долго ехать?

— Долго.

— Что там?

Отец взглянул в окно, за которым уже исчезала Казань.

— Дальний Восток.

На чемодане была прикреплена небольшая багажная бирка.

На ней стояло первое название моей новой жизни:

Комсомольск-на-Амуре.

ГЛАВА 4

Дальневосточные адреса

Слово «Комсомольск-на-Амуре» я впервые увидела на картонной бирке, привязанной к нашему чемодану.

Оно было длинным, строгим и совершенно непонятным. В нём почему-то слышались и поезд, и мороз, и чей-то приказ немедленно застегнуть пальто. Я ещё не знала, что такое расстояние, поэтому не испугалась. Расстояние пугает взрослых. Дети измеряют мир иначе.

Если рядом мама — значит, недалеко.

Если папа держит за руку — значит, дорогу он знает.

Если в чемодане лежит твоя кукла — значит, это уже почти дом.

Гораздо труднее было понять другое: почему Альбина осталась в Казани, а я еду дальше.

В первые дни пути я несколько раз спрашивала об этом маму. Она отвечала терпеливо, но каждый раз немного по-разному. Наверное, искала слова, которые мог понять ребёнок.

— Ей нужно учиться, — объясняла мама.

— А мне не нужно?

— Тебе тоже нужно. Но в другой школе.

— Почему в другой?

Мама поправляла мне воротник, смотрела в окно и говорила:

— Потому что вы разные.

Этот ответ казался мне неправильным. Мы с Альбиной появились на свет почти одновременно. У нас были одинаковые игрушечные зайцы, одинаковые носы и одна бабушка на двоих. Какие же мы разные?

Я ещё не понимала, что семья иногда принимает трудное решение не потому, что любит кого-то меньше, а потому, что старается дать каждому именно то, что ему необходимо.

Отец объяснял проще:

— Альбина остаётся у бабушки. А ты едешь с нами.

— Надолго?

— Посмотрим.

Это папино «посмотрим» впоследствии оказалось удивительно вмести́тельным словом. В него помещались тысячи километров, несколько квартир, новые школы, новые соседи, коробки с посудой, военные городки и половина географии огромной страны.

Отец вообще умел отвечать так, чтобы ответ звучал окончательно, хотя ничего окончательного в нём не было.

Мы ехали очень долго. За окном менялись станции, лица, голоса и пирожки. Последние особенно убедительно доказывали, что страна большая: на каждой остановке они выглядели по-разному, но мама всё равно относилась к ним с одинаковым недоверием.

— Не трогай, — говорила она.

— Почему?

— Холодные.

— А если согреть?

— Всё равно не трогай.

Папа иногда покупал их тайком. Не для себя, конечно. Для проведения взрослого исследования качества придорожного питания. Исследование обычно завершалось тем, что он быстро съедал пирожок у окна, а потом долго жевал с таким невозмутимым лицом, будто проверял боевую готовность железной дороги.

Я всё видела, но не выдавала его.

У нас с отцом довольно рано возник союз, построенный на двух важных принципах: он показывал мне мир, а я не рассказывала маме лишнего.

Мама, разумеется, всё равно обо всём знала.

Комсомольск встретил нас воздухом, в котором было слишком много зимы. Даже если по календарю зима ещё не начиналась, она словно уже стояла где-то за углом, заранее проверяла окна и примерялась к дверным щелям.

На вокзале отец быстро собрал наши вещи, пересчитал сумки и нас с мамой. Чемоданов было больше, чем членов семьи, поэтому пересчёт выглядел разумно.

— Все на месте, — сообщил он.

— Кто все? — спросила мама.

— Все.

— А маленькая сумка?

Отец замер.

Потом повернулся и быстрым шагом пошёл обратно.

Так я узнала, что даже человек, способный уверенно руководить взрослыми мужчинами, иногда проигрывает маленькой коричневой сумке.

Наше новое жильё пахло свежей краской, холодными стенами и чужой жизнью, которая только что отсюда выехала. Комнаты казались пустыми, хотя посередине стояли чемоданы и я.

Мама открыла окно, тут же закрыла его и сказала:

— Проветрено.

Отец проверил замки, краны, батареи и подоконники. Потом зачем-то постучал по стене.

— Хороший дом, — заключил он.

— Ты это по звуку понял? — спросила мама.

— Конечно.

Мне тоже захотелось понимать дома по звуку. Я подошла к другой стене и постучала кулаком.

За стеной немедленно постучали в ответ.

Я отскочила.

— Папа!

Он прислушался.

— Соседи, — сказал спокойно.

— Хорошие?

— Посмотрим.

Так в нашей семье появилось ещё одно применение этому слову.

Переезды обладают удивительным свойством: сначала взрослые торжественно называют новое место домом, а затем несколько недель спрашивают друг у друга, в какой коробке лежат ложки.

Отец подписывал коробки чётким почерком:

«ПОСУДА».

«КНИГИ».

«ЗИМНЕЕ».

«РАЗНОЕ».

Последняя коробка была самой большой и, кажется, самой важной. В ней находилось всё, что не сумело вовремя доказать, что оно посуда, книги или зимнее.

Мама открывала «РАЗНОЕ» по несколько раз в день.

— Где нитки?

— В разном, — отвечал отец.

— Где будильник?

— В разном.

— Где твои документы?

После этого он сам подходил к коробке и начинал искать.

Я сидела рядом и наблюдала, как из неё по очереди появлялись настольная лампа, расчёска, отвёртка, открытки, одна тапочка, запасные пуговицы и игрушечный заяц Альбины.

Увидев его, я сразу перестала смеяться.

Мой заяц лежал на кровати. Второго бабушка положила в чемодан случайно или намеренно — не знаю. Взрослые иногда совершают добрые поступки и делают вид, что просто ошиблись.

Я прижала игрушку к себе.

— Это Альбинин.

Мама опустила её рядом.

— Сохранишь для неё?

Я кивнула.

Некоторое время оба зайца жили на моей кровати. На ночь я укладывала их по разным сторонам подушки, а са-

ма помещалась между ними. Мне казалось, что так наша с Альбиной общая детская комната продолжается, только стала очень узкой и умеет ездить по стране.

Позднее один из зайцев вернулся в Казань — в посылке вместе с конфетами, моим рисунком и письмом, которое написала мама. От себя я добавила несколько неровных кружков и дом с огромной трубой.

— Что это? — спросил отец.

— Наш город.

— А труба почему такая большая?

— Чтобы Альбина сразу увидела.

Он не стал объяснять, что расстояние между нами не преодолевается высотой нарисованной трубы.

— Правильно, — сказал папа. — Так надёжнее.

В Комсомольске я впервые поняла, что отец умеет находить дорогу в любом месте. Он мог выйти из незнакомого двора и без сомнений повернуть именно туда, куда было нужно. Мог определить по небу, скоро ли пойдёт снег. Мог починить дверцу шкафа, детский велосипед и застёжку на моём ботинке.

Если что-то не удавалось починить сразу, он внимательно осматривал предмет и произносил:

— Здесь нужен инструмент.

Эта фраза спасала мужскую репутацию в самых разных обстоятельствах.

Однажды у моей куклы отвалилась рука. Я принесла её

отцу, уверенная, что для человека, который знает все дороги, такая задача будет пустяком.

Он долго изучал повреждение.

— Здесь нужен инструмент.

— Какой?

— Специальный.

— А у тебя есть?

— Пока нет.

Кукла пролежала без руки до вечера. Потом мама взяла иголку с ниткой и за пять минут вернула её к полноценной жизни.

Я посмотрела на отца.

— Это специальный инструмент?

— Один из них, — ответил он с достоинством.

Мамины возможности после этого случая показались мне почти безграничными.

И всё-таки главным проводником оставался папа. Он водил меня по новым улицам и учил не бояться незнакомого. Показывал, где магазин, где остановка, в какой стороне его часть и по какой дороге мы будем возвращаться домой.

— Запоминай ориентиры, — говорил он.

Я запоминала.

Магазин находился возле дерева с кривой веткой.

Автобусная остановка — рядом с женщиной в синем пальто.

Наш поворот — там, где сидела рыжая собака.

Когда женщина в синем пальто однажды ушла, а собака перебежала на другую сторону дороги, моя система навигации рухнула.

— Всё пропало, — сообщила я отцу.

— Что именно?

— Дорога.

Отец присел рядом и показал на крыши домов.

— Дороги не пропадают. Иногда просто меняются ориентиры.

Тогда я запомнила красную крышу, высокий столб и номер дома.

Эту фразу отца я вспоминала много лет спустя — в Париже, Ванкувере и Петербурге. Дороги действительно не пропадают. Иногда исчезают люди в синих пальто, убегают рыжие собаки, меняются города и целые страны, а дорога остаётся. Нужно только найти другой ориентир.

Но в детстве я не размышляла так глубоко. Мне было важно добраться домой и выяснить, осталось ли на кухне варенье.

В каждом новом дворе первым делом я искала детей. Это был самый быстрый способ перестать быть приезжей. Взрослые знакомились медленно: представлялись, спрашивали, откуда мы, где служит отец, давно ли приехали. Дети обходились без лишних формальностей.

— Тебя как зовут?

— Элина.

— Играть будешь?

— Буду.

Через пять минут я уже знала, где нельзя наступать, кто сегодня водит и почему сарай считается штабом. Ещё через десять минут мне доверяли охранять секрет, который был известен всему двору.

География моего детства состояла не из областей и краёв. Она состояла из дворов.

В одном дворе была самая высокая горка.

В другом — качели, на которых можно было взлететь почти до неба, если рядом не стояла мама.

В третьем жил мальчик, утверждавший, что его отец видел настоящего тигра. Никто ему не верил, но слушали все.

Когда взрослые говорили о новом переезде, я спрашивала только:

— А там есть двор?

Отец отвечал:

— Есть.

— Большой?

— Найдём большой.

Этого было достаточно.

Не помню, сколько именно коробок мы успели распаковать в Комсомольске, прежде чем в доме снова заговорили о дороге. В военной семье слово «переезд» не требовало долгих объяснений. Оно входило без стука, садилось на кухне и ждало, пока мама достанет чемоданы.

На этот раз впереди был Хабаровск.

Название мне понравилось больше. Оно звучало мягче и немного напоминало что-то съедобное.

— Там делают хлеб? — спросила я.

— Почему? — удивилась мама.

— Хабаровск. Хлеб.

— Ничего общего.

Я задумалась.

— А варенье?

— Элина, это город.

Детская логика не сдавалась:

— В городе тоже могут делать варенье.

Отец поддержал меня:

— Это верно.

Мама посмотрела на нас обоих и поняла, что спор проигран из-за численного превосходства.

Начались сборы.

К этому времени наша семья уже выработала собственную систему. Мама складывала вещи аккуратно. Отец — рационально. Я — всё подряд.

В мой маленький чемодан попали кукла, карандаши, камень красивой формы, две открытки, ложка, кусок верёвки и крышка неизвестного происхождения.

Мама обнаружила это богатство.

— Зачем тебе ложка?

— Нужна.

— Для чего?

Я ещё не придумала, но отступить было поздно.

— В дороге пригодится.

— А крышка?

— К ложке.

Мама посмотрела на крышку, потом на ложку. Они явно никогда прежде не встречались.

Отец заглянул через её плечо.

— Пусть берёт.

— У нас и без того вещей много.

— Это стратегический запас.

Благодаря папе ложка и крышка пересекли значительную часть страны. Ни разу они мне негодились, но сам факт их присутствия давал чувство основательности.

Теперь я понимаю: отец не просто разрешал мне брать бессмысленные детские сокровища. Он оставлял мне право самой решать, что важно. В жизни, где адреса определялись приказами, а чемоданы могли понадобиться в любой момент, это было немало.

Хабаровск оказался большим, шумным и наполненным движением. После Комсомольска он казался мне городом, который всё время куда-то идёт. По улицам ехали машины и автобусы, люди спешили, двери открывались и закрывались, а огромная река жила рядом своей отдельной жизнью.

Отец повёл меня смотреть на Амур.

Мы стояли высоко над водой. Ветер тянул за край моей

шапки, и я держала её обеими руками. Река была такой широкой, что противоположный берег казался началом другой страны.

— Это море? — спросила я.

— Река.

— Не может быть.

— Почему?

— Река должна быть меньше.

Отец улыбнулся:

— Кому должна?

На этот вопрос у меня не было ответа.

До встречи с Амуром я считала, что все реки обязаны соответствовать тем картинкам, которые я видела в книжках: две зелёные полоски по краям, синяя вода посередине и один довольный рыбак. Амур не соответствовал. Он был слишком большим, слишком серьёзным и обходился без рыбака.

— А что там? — Я показала вдаль.

Отец назвал места, которых я не запомнила. Тогда они звучали для меня не как географические названия, а как продолжение сказки.

— А ещё дальше?

Он снова ответил.

— А потом?

Отец посмотрел на меня и понял, что этот разговор может закончиться только там, где заканчивается земной шар.

— Потом будут другие города, — сказал он. — Мир большой.

— Мы во всех проживём?

— Во всех не успеем.

— Почему?

— Чемоданов не хватит.

Я засмеялась и прижалась к его руке.

Рядом с отцом большой мир не казался страшным. Он просто требовал больше чемоданов.

В Хабаровске наша жизнь снова начала обрывать привычками.

У мамы появились знакомые магазины и определённые дни для домашних дел. У отца — служба, утренние сборы

и тот особый шаг, которым военные люди ходят даже тогда, когда просто выносят мусор. У меня — новый двор.

Я быстро выяснила, где собираются дети, какое дерево считается ничьим и в каком подъезде живёт женщина, способная определить по одному взгляду, кто именно только что пробежал по клумбе.

Она была грозой нашего двора.

— Девочка! — кричала она из окна. — Ты чья?

Это был опасный вопрос. Если ответить честно, сведения могли дойти до родителей раньше тебя. Если промолчать — становилось подозрительно.

— Общая! — крикнула я однажды.

Женщина растерялась.

Этих нескольких секунд мне хватило, чтобы скрыться за углом.

Вечером отец спросил:

— Ты сегодня по клумбам не бегала?

Я поняла, что разведка противника всё-таки сработала.

— Я рядом.

— Насколько рядом?

— Очень рядом.

Он старательно сохранял серьёзное лицо.

— Постарайся завтра быть рядом с дорожкой.

— Хорошо.

— И ты не общай.

— Я знаю.

— Ты наша.

Это было сказано буднично, почти между делом. Но именно такие слова дети запоминают крепче торжественных речей.

Я была их.

А Альбина, оставшаяся далеко в Казани, всё равно была нашей.

Бабушка писала о ней в письмах. Мама читала их за кухонным столом, иногда вслух, иногда про себя. По её лицу я пыталась угадать содержание. Хорошие новости разглаживали складку между бровями. Тревожные заставляли перечитывать одну строчку несколько раз.

Потом мама доставала бумагу и писала ответ.

Я рисовала рядом двух девочек, взявшихся за руки. У одной волосы получались длиннее, у другой короче. На следующем рисунке я меняла их местами, потому что не могла решить, которая из них я.

— Подпиши, — советовал отец.

— Она и так поймёт.

Мне хотелось верить, что близнецы понимают друг друга даже через расстояние, молчание и неровные детские рисунки.

Наверное, в каком-то смысле так и было.

Иногда вечерами отец разворачивал на столе карту. Для него карта была рабочей и понятной вещью. Для меня — огромной цветной скатертью, на которой почему-то нельзя

было ставить чашку.

Он показывал:

— Вот Казань.

Я наклонялась ниже.

— А мы где?

Его палец перемещался далеко на восток.

— Здесь.

Я переводила взгляд от одной точки к другой.

— Это долго?

— Долго.

— А если быстро?

— Всё равно долго.

Я прикладывала к карте ладонь, пытаюсь накрыть обе точки сразу. Ладони не хватало.

Тогда отец брал мою руку и растопыривал пальцы.

— Подрастёшь — хватит.

Я верила.

Вообще отец обладал редким талантом превращать сложное в преодолимое. Большое расстояние означало, что нужно подрасти. Незнакомый город — что необходимо найти ориентиры. Сломанная вещь — что понадобится специальный инструмент. Если было холодно, следовало лучше одеться. Если страшно — крепче держаться за руку.

Его мир состоял не из непреодолимых препятствий, а из задач.

Наверное, именно от него мне досталась привычка сначала

ла принимать решение, а уже потом выяснять, насколько оно невероятное.

Много лет спустя я за несколько дней уволюсь со службы и полечу в Париж к мужчине, которого почти не знаю. Ещё через годы, посреди ночи, предложу другому мужчине на мне жениться. Со стороны всё это будет выглядеть неожиданно.

Но начало было здесь.

На картах, разложенных отцом.

В чемоданах, собранных мамой.

В городах, названия которых я едва успевала выучить.

В детской уверенности, что любой далёкий адрес однажды становится домом, если войти туда вместе.

Однажды отец пришёл со службы раньше обычного. Мама сразу поняла, что он принёс новость. В военных семьях новости часто входили в дом вместе с человеком в форме и снимали фуражку уже в прихожей.

Отец вымыл руки, сел за стол и некоторое время молчал.

— Ну? — не выдержала мама.

Он посмотрел на неё, потом на меня.

— Есть новое назначение.

Мама закрыла глаза.

Не от страха. Скорее, мысленно увидела все коробки, которые только недавно распаковала.

— Куда?

Отец назвал страну.

Я не поняла.

— Это город?

— Нет. Венгрия.

— Там есть двор?

Отец улыбнулся:

— Обязательно.

— Большой?

— Найдём большой.

Мама посмотрела в сторону шкафа, где на верхней полке лежали сложенные чемоданы.

Они ждали.

Кажется, они всегда знали о нашей жизни немного больше нас.

ГЛАВА 5

Кино для целой роты

Венгрию отец называл счастливым билетом.

Я долго представляла себе настоящий билет — большой, красивый, с золотыми буквами и печатью. Мне казалось, его выдали папе в специальном окошке за хорошее поведение.

Наверное, там сидел очень серьёзный человек, долго изучал отцовские документы, потом посмотрел поверх очков и сказал:

— Служили исправно?

— Так точно.

— Чемоданы имеются?

— Три больших и один детский.

— Тогда держите Венгрию.

Лишь много позже я поняла, что взрослое выражение «вытянуть счастливый билет» не имеет отношения к кассам, печатям и количеству багажа. Но тогда я была уверена: где-то существует огромная система распределения счастья, и отцу наконец досталась наша очередь.

Мама радовалась осторожно. Она всегда сначала выясняла, сколько вещей разрешено взять, где мы будем жить, далеко ли магазин и есть ли в новом доме стиральная машина. Только после этого позволяла себе радость.

Отец радовался молча. По нему вообще трудно было определить степень счастья. С одинаково серьёзным лицом он мог сообщить о новом назначении, принести арбуз или обнаружить, что я разрисовала важную бумагу.

Впрочем, в последнем случае одна бровь всё-таки поднималась выше другой.

Я радовалась громко.

Слова «другая страна» и «заграница» звучали как обещание невероятного приключения. Мне представлялись нарядные люди, дома с башнями и магазины, где всем детям бесплатно дают мороженое. Последнее никто не обещал, но я считала это обязательным признаком заграницы.

Перед дорогой мама снова доставала вещи, складывала их и через некоторое время раскладывала обратно.

— Почему ты их вынимаешь? — спросила я.

— Не помещаются.

— А раньше помещались.

— Раньше я ещё не положила половину.

Половина, судя по всему, была очень большой.

Отец наблюдал за сборами, пока мама не вручила ему стопку рубашек.

— Раз ты просто стоишь, займись делом.

Он начал укладывать рубашки.

— Не так, — сказала мама.

Отец попробовал иначе.

— И не так.

После третьей попытки рубашки вернулись к маме, а отцу доверили закрывать чемодан.

Он сел сверху, подтянул крышку и застегнул замки.

В нашей семье обязанности распределялись разумно: мама умела поместить в чемодан невозможное, а отец — убедить чемодан с этим смириться.

Я собирала свой багаж самостоятельно. К проверенным ценностям — кукле, карандашам, двум зайцам и бесполезной крышке — добавились три камня, старый билет и короткая палка.

— Палка зачем? — спросила мама.

— Это указка.

— Что ты будешь ею показывать?

— Венгрию.

Отец кашлянул и отвернулся к окну. Даже в детстве я понимала: так взрослые прячут смех.

Палку взять не разрешили.

Венгрию пришлось показывать пальцем.

Дорога была долгой и полной взрослых правил. Нужно было не отходить, не шуметь, не мешать, не трогать документы и ни в коем случае не терять варежки. Варежки в конце концов всё равно потерялись — обе сразу, что доказывало их удивительную преданность друг другу.

За окнами менялся мир.

Я ещё не умела сравнивать архитектуру, языки и уклад жизни. Я замечала другое: необычные вывески, аккурат-

ные домики, яркие упаковки в магазинах, дороги и крыши непривычных цветов. Люди говорили словами, которые не складывались у меня в смысл, но звучали красиво — как будто все вокруг участвовали в спектакле, а нашу семью за- были снабдить текстом.

— Что они говорят? — спрашивала я отца.

Он переводил несколько слов.

— А дальше?

— Дальше не расслышал.

Мне казалось странным, что папа, знавший дороги, карты, инструменты и устройство чемоданов, не понимал абсолютно всего на свете.

Это открытие немного пошатнуло мою картину мира.

Но ненадолго.

В военном гарнизоне всё снова стало понятным. Здесь были знакомые интонации, форма, чёткие шаги, команды и люди, которые знали, куда им идти. Даже дома словно стояли по стойке смирно.

Гарнизон был отдельной маленькой страной внутри другой страны. В нём взрослые служили, дети росли, мамы обменивались новостями, продуктами и адресами нужных магазинов. Жизнь шла по расписанию, но каким-то чудом всегда оставляла место для неожиданностей.

Наш новый дом оказался светлее прежних. Из окна был виден двор, а за ним — дорога, по которой проходили солдаты.

Первое время я всякий раз бежала к окну.

— Мама! Они идут!

Мама подходила, смотрела и отвечала:

— Идут.

Через несколько минут я снова звала её:

— Ещё идут!

— Я вижу.

— Теперь другие!

— Элина, здесь военная часть. Они ещё много раз придут.

Это меня обрадовало.

По утрам я ждала звук шагов. В нём была такая точность, будто невидимый огромный метроном отмерял жизнь всего гарнизона. Люди выходили вовремя, строились вовремя, возвращались вовремя. Даже солнце, как мне казалось, поднималось над крышами только после соответствующей команды.

Но главным чудом гарнизона для меня стал кинозал.

Он не был похож на современные кинотеатры. Никаких мягких кресел с подстаканниками, огромных коробок с кукурузой и десяти залов, в которых взрослые потом ищут нужную дверь. Всё было гораздо проще: сцена, экран, ряды стульев и особый запах помещения, где собиралось сразу много людей.

Когда роте объявляли просмотр фильма, новость каким-то образом доходила до меня раньше, чем до некоторых

солдат.

Возможно, у меня имелась собственная разведывательная сеть.

На самом деле я просто внимательно слушала разговоры взрослых.

— Сегодня кино будет, — однажды сказал отец.

— Какое? — спросила мама.

Он назвал фильм о войне.

Я замерла с ложкой в руке.

— Когда?

— После ужина.

— Всем?

— Личному составу.

— А я?

Отец посмотрел на меня.

— Ты пока не входишь в личный состав.

— Почему?

— Ростом не вышла.

Я немедленно встала на носочки.

— Теперь?

Мама рассмеялась.

— Доедай суп, личный состав.

После ужина я исчезла из кухни. Родители решили, что я ушла за куклой. Но у меня были другие планы.

В углу комнаты стоял мой маленький деревянный стульчик. Он был крепким, низким и достаточно лёгким, чтобы

я могла нести его сама. Я взяла стул за спинку и потащила к двери.

Ножки громко стучали по полу.

Мама выглянула из кухни:

— Ты куда?

— В кино.

— Со стулом?

— Там будет рота.

Эта фраза, по моему мнению, объясняла всё.

Рота была большой. Я была маленькой. Следовательно, рассчитывать на свободное место не следовало.

Отец стоял в прихожей, застёгивая китель. Он посмотрел сначала на меня, потом на стул.

— Подготовилась?

— Да.

— А если не пустят?

Я задумалась.

— Ты скажешь, что я с тобой.

В детстве мы очень быстро находим решение любой проблемы, если рядом находится взрослый, обязанный её решить.

Отец поправил мне воротник.

— Только не мешай.

— Не буду.

— И во время фильма не разговаривай.

— Хорошо.

— И вопросов не задавай.

Вот это условие было намного сложнее.

— Совсем?

— До конца фильма.

Я тяжело вздохнула.

— Тогда ты потом всё объяснишь.

— Договорились.

Мы вышли из дома.

Я несла стульчик обеими руками, стараясь не отставать. Отец несколько раз предлагал помочь, но я отказывалась. Если идёшь смотреть кино вместе с целой ротой, нужно с самого начала показать себя самостоятельным человеком.

Возле зала собирались солдаты. Они разговаривали, смеялись, поправляли форму. Увидев меня со стулом, несколько человек расступились.

— Товарищ командир, подкрепление прибыло, — сказал кто-то.

Я ещё не понимала, почему все засмеялись, но на всякий случай выпрямилась.

— Проходи, подкрепление, — разрешил другой солдат.

От внимания целой роты мне стало немного неловко. Я придвинулась ближе к отцу, но стул не выпустила.

Отец наклонился:

— Передумала?

Я покачала головой.

Передумать означало бы уйти домой, а дома не было ни

экрана, ни роты, ни фильма.

Такого поражения я допустить не могла.

Внутри солдаты занимали места быстро и организованно. Я оглядела зал, выбрала точку, откуда экран был виден лучше всего, поставила стульчик и села.

Моя голова оказалась примерно на уровне локтей окружающих.

Слева сидел очень высокий солдат. Справа — ещё выше. Передо мной расположились сразу несколько широких спин, и вместо экрана я увидела затылки.

План нуждался в доработке.

Я взяла стульчик и передвинулась ближе к проходу.

Один из солдат поднялся:

— Садись сюда.

— У меня своё место, — ответила я и показала на стул. Он не стал спорить.

Наверное, понял, что перед ним человек с принципами.

Кто-то предложил поставить мой стульчик впереди первого ряда. Решение было принято единогласно, хотя моего голоса никто не спрашивал. Меня вместе со стулом торжественно переместили ближе к экрану.

Теперь я сидела перед целой ротой одна.

Это было почётно и страшно.

Я обернулась. За мной тянулись ряды мужчин в форме. Среди них я нашла отца. Он коротко кивнул, словно подтверждая: всё в порядке, продолжай службу.

Свет погас.

Зал сразу изменился. Исчезли стены, лица, форма и расстояние до дома. Остался только большой экран, на котором началась война.

Я смотрела фильмы о людях, которых до этого не знала, но очень скоро начинала переживать за каждого. Они шли по грязным дорогам, мёрзли, сражались, шутили в короткие минуты тишины и снова поднимались, когда, казалось, сил уже не оставалось.

Я не понимала всех слов. Не знала исторического контекста. Не могла объяснить, почему взрослые мужчины в зале вдруг становились совершенно неподвижными.

Но чувствовала главное.

На экране происходило что-то большее, чем отдельная человеческая жизнь.

Солдаты вокруг меня уже не казались просто молодыми людьми, которые проходят по дороге за нашим окном. Форма связывала их с теми, кто был на экране. В детском сознании прошлое и настоящее соединялись легко: если человек надел военную форму, значит, он отвечает за то, чтобы другие могли спокойно жить, растить детей и ходить в кино.

Я сидела тихо.

Настолько тихо, что отец после просмотра спросил:

— Ты не уснула?

— Нет.

— А почему молчала?

— Ты запретил разговаривать.

Он посмотрел на меня с уважением.

— Действительно.

Я всегда серьёзно относилась к поручениям. Если сказали не задавать вопросов до конца фильма, я не задавала.

Я их запоминала.

И когда зажёгся свет, все вопросы вышли одновременно.

— Почему они не уехали? А кто был главный? А как они узнали, куда идти? А если было страшно? А почему один остался? А кто такой Жуков? А он всех спас? А почему...

— По дороге, — быстро сказал отец.

Я взяла стульчик.

Всю дорогу домой он отвечал. Не торопился, не отмахивался.

вался и не говорил, что я ещё маленькая. Объяснял войну так, чтобы ребёнок услышал не ужас, а цену мира. Рассказывал о командирах, солдатах, ответственности и победе.

Имя Жукова я запомнила сразу.

В моём воображении Георгий Константинович Жуков очень скоро занял место рядом с самыми могущественными людьми мира. Я была уверена, что он умел выигрывать все сражения, никогда не терял дорогу и наверняка мог закрыть любой чемодан без помощи мамы.

— Он был самым главным? — спрашивала я.

— Он был великим полководцем.

Слово «полководец» мне понравилось. Оно звучало так, будто человек не просто командует, а ведёт за собой целые полки и обязательно знает, что делать.

После этого я стала особенно внимательно смотреть военные фильмы. Ждала появления знакомых героев, запоминала имена, пыталась разобраться в картах и направлениях ударов. Иногда мои выводы были своеобразными.

— Наши победят, — сообщала я отцу в самом начале фильма.

— Почему ты так решила?

— Потому что этот фильм уже показывали.

— Железная логика.

— А что такое логика?

— То, благодаря чему ты сейчас раскрыла военную тайну. Я не сразу поняла шутку, но выражение «военная тайна»

мне понравилось ещё больше, чем «полководец».

Скоро мои походы в кинозал стали привычными. Если вечером показывали фильм, я заранее готовила стул. Протирала сиденье тряпочкой, ставила у двери и ждала.

Мама однажды спросила:

— Ты не хочешь взять подушку? Жёстко ведь сидеть.

Я подумала и отказалась.

Солдаты сидели без подушек. Значит, и мне полагалось терпеть.

Правда, через полчаса после начала фильма я обычно начинала ёрзать. Ещё через десять минут подкладывала под себя варежки. После первой потери мама связала мне новые и соединила их длинной резинкой. Поэтому теперь одна варежка не могла сбежать без второй.

Как и мы с Альбиной, подумала я однажды.

Эта мысль появилась неожиданно и осталась со мной до конца фильма.

Рядом сидели десятки людей, на экране шли целые армии, а мне вдруг не хватило одного человека — моей сестры. Я представила, как принесла бы для неё ещё один стул. Мы сидели бы рядом. Я могла бы шёпотом объяснять ей происходящее, показывать на экран и следить, чтобы она всё поняла.

Потом вспомнила, что отец запретил разговаривать во время фильма.

Пришлось бы объяснять жестами.

Я ещё не знала жестового языка, но была уверена, что мы

с Альбиной договорились бы.

После сеанса я спросила у мамы:

— А Альбина тоже смотрит кино?

Мама на мгновение задержала руки над бельём, которое складывала.

— Наверное, смотрит.

— Ей понятно?

— Кино можно понимать не только ушами.

Это был очень взрослый ответ. Я не сразу разобралась в нём, но запомнила.

Много лет спустя я пойму: очень многое в жизни действительно слышишь не ушами. Любовь, одиночество, тревогу, чужую доброту. Иногда человек ничего не произносит, а ты всё равно знаешь, что он хочет сказать. А иногда говорит часами — и не сообщает ничего.

В детстве я просто решила, что кино — подходящее занятие для нас обеих.

В следующем письме Альбине я нарисовала большой экран, два маленьких стула и ряды солдат. На одном стуле сидела я, на другом — она. Чтобы не перепутать, я всё-таки подписала рисунок.

Отец был прав: хорошие ориентиры никогда не бывают лишними.

Однажды перед показом в зале сломался один из взрослых стульев. Солдат поднял его, осмотрел и произнёс:

— Здесь нужен инструмент.

Я мгновенно повернулась к отцу.

Он тоже слышал.

Мы посмотрели друг на друга и едва не рассмеялись.

— У меня есть свой, — сказала я солдату и похлопала по сиденью.

— Не одолжишь?

— Нет. Я на нём кино смотрю.

Солдат вздохнул:

— Придётся стоять.

Мне стало его жалко.

Я посмотрела на свой маленький стульчик, потом на высокого солдата. Даже если бы я уступила место, он едва ли смог бы на нём разместиться. Но долг требовал хотя бы попытаться помочь.

— Можем сидеть по очереди.

По залу прокатился смех.

Солдат поблагодарил и нашёл другой стул. А я ещё долго гордилась тем, что была готова разделить имущество с личным составом.

Кинозал стал для меня не просто местом, где показывали фильмы.

Там я впервые почувствовала, что значит быть частью большого коллектива. Сотня людей могла одновременно замолчать, встать, засмеяться или замереть. Каждый оставался собой, но вместе они становились чем-то единым.

Эта способность жить среди многих людей и не теряться потом очень пригодилась мне.

В школе.

В институте.

На службе.

В другой стране.

Даже в брачном агентстве, где желающих устроить твою судьбу оказывалось порой больше, чем свободных стульев в

гарнизонном кинозале.

Но тогда я, конечно, ни о чём таком не думала. Я просто знала: если вечером показывают кино, нужно заранее поужинать, найти варёжки и поставить стульчик у двери.

Форма тоже перестала быть для меня только одеждой отца. Она означала порядок, ответственность и понятные правила. Люди в форме знали, когда строиться, куда идти и что делать в трудную минуту.

Мне это нравилось.

Возможно, именно тогда где-то очень глубоко во мне поселилась мысль: если однажды я не пойму, какую профессию выбрать, нужно обратить внимание на ту, где выдают красивую форму.

На осуществление этого блестящего профессионального плана ушло несколько лет.

После фильмов мы выходили на улицу. Вечерний воздух был прохладным, над гарнизоном зажигались окна, и солдаты расходились по своим делам. Отец нёс мой стульчик, хотя по дороге в зал я никогда не позволяла ему этого делать.

Возвращаться домой можно было уже не такой самостоятельной.

Однажды у выхода нас ждала целая компания детей.

Они были разного возраста, роста и внешности. Кто-то приехал из Узбекистана, кто-то из Таджикистана, кто-то с Украины, кто-то из Белоруссии. За каждым стояла своя семья, свой прежний город и свой далёкий дом.

Но в тот вечер всё это не имело значения.

— Элина! — закричали они. — Идём играть!

Я посмотрела на отца.

Он протянул мне стульчик.

— Сначала домой отнеси.

— А потом можно?

— Можно.

Я схватила стул и побежала к дому. Дети помчались следом, наперебой объясняя правила новой игры.

Говорили все одновременно.

И что удивительно — все друг друга понимали.

ГЛАВА 6

Дети одной страны

Правила новой игры объясняли сразу все.

Один мальчик утверждал, что водящий должен стоять у дерева. Другой настаивал на скамейке. Девочка с двумя тугими косами говорила, что начинать нужно только после считалки. Самый маленький участник ничего не говорил, но уже бежал быстрее остальных, чем невольно поставил точку в споре.

Игра началась без официального решения.

Я всё ещё держала свой стульчик. Отнести его домой, как велел отец, не успела — дети увлекли меня во двор.

Сначала я попыталась поставить стул возле подъезда. Потом решила, что его могут забрать. В гарнизоне чужого обычно не брали, но мой стульчик был предметом стратегической важности: без него я не смогла бы ходить в кино вместе с ротой.

Пришлось бегать с ним.

— Зачем тебе стул? — спросила девочка с косами.

— Я из кино.

Ответ её полностью устроил.

Дети вообще редко требуют лишних объяснений. Если кто-то прибежал в игру со стулом, значит, у него были при-

чины.

Я поставила его возле дерева, назначила штабом и сообщила:

— Здесь безопасное место.

— А почему оно безопасное?

— Потому что моё.

Это тоже показалось всем убедительным.

Через несколько минут вокруг стульчика уже лежали камни, ветки и два мяча. Кто-то принёс кусок мела и нарисовал на земле границу. Самый маленький мальчик попытался пересечь её без разрешения и был задержан.

— Пароль! — потребовала я.

Он посмотрел на меня.

— Какой?

Я ещё не успела его придумать.

— Секретный.

— Я не знаю.

— Значит, нельзя.

Мальчик задумался, а потом сказал:

— Кино.

Я посмотрела на стул.

Пароль был принят.

Так началась моя жизнь среди гарнизонных детей.

У каждого из них был свой прежний адрес, оставшийся где-то далеко. Один приехал из Узбекистана, другой — из Таджикистана, кто-то с Украины, кто-то из Белоруссии. Бы-

ли ребята из России — из городов, названия которых я иногда слышала впервые.

Все мы появились в Венгрии по одной и той же причине: наших отцов направили служить.

Никто из нас не выбирал этот гарнизон. Но дети умеют быстрее взрослых превращать случайное место в своё.

Для этого им достаточно двора, мяча и нескольких человек, которым мама ещё не велела идти домой.

Мы не делили друг друга по республикам. Это взрослые могли долго выяснять, кто откуда приехал, сколько добирался и где служил раньше. У нас существовала другая система классификации.

Этот хорошо лазил по деревьям.

Тот умел свистеть через два пальца.

Эта девочка быстро бегала.

Этот мальчик жульничал в прятках.

Самый маленький постоянно терял варежки.

Я считалась той, у которой имелся собственный стул и доступ в кинозал.

В детском обществе этого было достаточно для уважения.

Я быстро узнала, что в большом гарнизонном дворе нет ничего по-настоящему бесполезного. Старая доска становилась мостом. Коробка — кассой магазина. Простыня, вынесенная кем-то без разрешения, превращалась в палатку. За простыню потом, конечно, приходилось отвечать всей группе.

— Кто взял? — спрашивала чья-нибудь мама.

Все молчали.

Не потому, что нас учили скрывать правду. Просто автор идеи обычно уже не помнил, что идея принадлежала ему, а остальные искренне считали простыню общественным имуществом.

Однажды мы решили построить собственный город.

Мелом нарисовали дороги, дома, больницу, школу, магазин и военную часть. Для полноты жизни добавили кинотеатр. Мой стульчик поставили у входа.

— А это что? — спросил мальчик, указывая на длинную кривую линию.

— Река, — объяснила я.

— Почему она идёт через магазин?

— Разлилась.

Возражать против стихийного бедствия никто не стал.

Потом понадобились жители. Мы распределили роли. Самый высокий мальчик стал военным. Девочка с косами — врачом. Другой мальчик назначил себя директором магазина и сразу спрятал все камушки, изображавшие продукты.

— Почему у тебя ничего нет? — спросила я.

— Закончилось.

— А когда будет?

— Завтра.

Тогда нам это казалось весёлой выдумкой.

Через несколько лет в Казани я войду в настоящий мага-

зин и увижу полки, на которых тоже почти ничего не будет. Но настоящий продавец не станет улыбаться и обещать, что всё появится завтра.

Пока же наш нарисованный город жил прекрасно. По его улицам ездили машины из спичечных коробков, в больнице лечили от царапин подорожником, а кинотеатр показывал один и тот же военный фильм — тот, который я пересказывала по памяти.

Я была одновременно зрителем, контролёром и человеком, отвечавшим за стул.

Иногда в наших играх появлялись слова, которых кто-нибудь не понимал.

Один ребёнок называл предмет так, другой иначе, третий

уверял, что у него дома вообще никто так не говорит. Споры могли быть долгими.

— Это не батон, — говорил кто-нибудь.

— А что?

— Булка.

— Булка круглая.

— Неправда.

— Правда.

— Спроси у мамы.

Обращение к маме считалось высшей судебной инстанцией. Проблема заключалась в том, что разные мамы давали разные ответы.

Тогда мы объявляли ничью и съедали предмет спора.

Самое удивительное — никто из нас не сомневался, что мы свои. У наших семей были разные привычки, любимые блюда, выражения и песни. Но отцы носили похожую форму, мамы одинаково звали нас домой и все дети знали: если кто-то упал, сначала нужно помочь подняться, а уже потом выяснять, кто его толкнул.

Мамы действительно звали по-разному.

Одни — громко, из окна.

Другие выходили во двор.

Третьи посылали старшего ребёнка за младшим.

Но смысл всегда был один:

немедленно домой.

Мы научились по первой же интонации определять,

сколько времени осталось до неприятностей.

Если мама произносила имя один раз, можно было доиграть ход.

Если два — следовало начинать двигаться к подъезду.

Третий раз означал, что дома уже знают не только где ты, но и что именно ты натворил.

Моя мама звала спокойно:

— Элина!

Я отвечала:

— Иду!

После этого у меня оставалось примерно семь минут.

— Элина!

— Уже иду!

Ещё три.

Когда из дома выходил отец, время заканчивалось полностью.

Он не кричал. Просто появлялся у подъезда и смотрел.

Этот взгляд обладал большей дальностью действия, чем любой мамин голос.

Я немедленно вспоминала, что меня ждут ужин, уроки, мытьё рук и, возможно, разговор о том, почему на коленке новая дырка.

— Упала, — сообщала я заранее.

— Я ещё ничего не спросил.

— Чтобы потом не тратить время.

Отец осматривал коленку.

— Сильно?

— Нет.

— Штаны?

— Немного.

Он вздыхал.

— Мама увидит.

— А если не показывать?

— Она всё равно увидит.

В этом взрослые были удивительно единодушны.

Домой мы возвращались вместе. Отец нёс мой стульчик, если тот снова оказывался во дворе. Я рассказывала ему, кто сегодня был командиром, кого выгнали из нарисованного города и почему река прошла через магазин.

Он слушал так серьёзно, будто получал донесение.

— Значит, директор спрятал продукты?

— Все до одного.

— Непорядок.

— Мы его сняли.

— Правильно.

— Теперь директор я.

— Тогда следи за хозяйством.

Мне нравилось, что отец не называл наши дела ерундой. Если для меня они были важными, он тоже относился к ним как к важным.

Наверное, поэтому я рассказывала ему почти всё.

Почти — потому что некоторые тайны принадлежали це-

лому двору, а военную тайну, как я уже знала, выдавать нельзя.

В гарнизоне мы постоянно ходили друг к другу в гости. Двери не были заперты на множество замков, взрослые знали чужих детей, а дети — где у кого стоят конфеты.

Последнее знание добывалось особенно быстро.

Мы могли ворваться в квартиру большой компанией, снять обувь так, что прихожая превращалась в склад, и объявить:

— Мы ненадолго.

После этих слов мама хозяина понимала, что нужно ставить чайник.

«Ненадолго» в детском языке означало «пока нас не разыщут».

На столе появлялось то, что было в доме: печенье, хлеб, фрукты, конфеты, домашняя выпечка. Нам было всё равно, кто что принёс и по какому рецепту это приготовлено. Еда исчезала с одинаковой скоростью.

Однажды мама поставила перед нами тарелку и сказала: — Только по одной конфете.

Мы честно взяли по одной.

Потом кто-то предложил выйти из комнаты и зайти снова, потому что мама не уточнила, сколько раз каждому разрешается быть гостем.

Когда она вернулась, тарелка была пуста, а мы сидели с совершенно невинными лицами.

— Я же сказала по одной.

— Мы по одной и брали, — ответила я.

Это была чистая правда.

Мама посмотрела на нас, пересчитала детей и поняла, что арифметика действительно сходится только в нашу пользу.

После этого конфеты стали выдавать персонально.

Так мы узнали, что взрослые тоже способны совершенствовать систему.

Праздники в гарнизоне отмечали все вместе. У кого-то всегда находился складной стол, у кого-то — лишняя скатерть, у кого-то — банка чего-нибудь вкусного, которую берегли специально к подходящему случаю.

Подходящим случаем мог оказаться Новый год, день рождения, приезд родственника или просто хороший вечер.

Взрослые разговаривали. Дети носились между комнатами, прятались под столом, путались в стульях и появлялись возле еды в тот момент, когда её только начинали раскладывать.

На одном таком празднике нас попросили подготовить концерт.

Это было ошибкой.

Детям нельзя просто сказать: «Покажите что-нибудь». Необходимо заранее определить продолжительность, жанр, количество участников и допустимый уровень шума.

Мы решили показать всё.

Сначала спели песню. Потом две девочки станцевали.

Один мальчик прочитал стихотворение, забыл середину и заменил её рассказом о том, как видел ежа. После этого я объявила сцену из военного фильма.

— А костюмы? — спросил кто-то.

— Форма не обязательна, — ответила я.

Роль командира досталась самому маленькому. Он не умел произносить слово «отступление», зато очень громко кричал:

— Вперёд!

Этого оказалось достаточно.

Спектакль завершился всеобщей победой и падением одного стула. Взрослые аплодировали дольше, чем требовали наши художественные достоинства. Наверное, радовались, что представление закончилось без серьёзных разрушений.

Отец сидел рядом с мамой. Когда я поклонилась, он хлопал особенно старательно.

После концерта я спросила:

— Я хорошо командовала?

— Уверенно.

— А правильно?

— Это второй вопрос.

Мне понравилась первая часть ответа, и вторую я решила не уточнять.

Счастье детства редко выглядит значительным в тот момент, когда его проживаешь.

Оно не входит в комнату торжественно и не предупреждает:

«Запомни. Сейчас тебе хорошо».

Оно прячется в мелочах.

В нагретом солнцем подоконнике.

В велосипеде, который разрешили взять на целый круг.

В голосах друзей под окном.

В том, что до дома можно добежать за минуту.

В том, что мама молода, отец рядом, а весь мир уместается между нашим подъездом, двором и кинозалом.

Венгрия осталась во мне именно такой — яркой, тёплой, наполненной движением. Там не было одиночества. Нужно

было только выйти из дома, и кто-нибудь обязательно звал тебя играть.

Много лет спустя я окажусь в красивом канадском городе, среди океана, гор, стеклянных домов и безупречно вежливых людей. У меня будет всё, о чём можно рассказать с гордостью.

И всё-таки временами мне будет не хватать одного простого ощущения: что можно постучать в соседнюю дверь без предварительного звонка и услышать:

— Заходи. Чайник уже кипит.

Но до Канады оставалась целая жизнь.

Пока я жила в мире, где чужих детей не существовало. Если кто-то порвал куртку, его могли отругать сразу несколько мам. Если заболел — весь двор знал, когда ему станет лучше. Если одна семья получала посылку, сладости каким-то образом распределялись между половиной гарнизона.

Посылки вообще были событием.

Особенно те, что приходили из Казани.

Мама аккуратно разрезала упаковку, доставала письма, фотографии, вещи и гостинцы. Я ждала новостей об Альбине.

На фотографиях сестра росла отдельно от меня. У неё менялась причёска, появлялись новые платья, рядом стояли люди, которых я не знала. Я долго рассматривала её лицо, пытаюсь найти в нём себя.

Иногда находила.

Иногда нет.

Я показывала фотографию дворовым детям:

— Это моя сестра.

— Она похожа на тебя.

— Мы близнецы.

— Почему тогда она не здесь?

Объяснить было трудно.

— Ей нужно учиться в Казани.

— А потом она приедет?

— Конечно.

Я произносила это уверенно, хотя не знала, когда именно наступит это «потом».

Дети принимали мой ответ. Для них любое «потом» находилось где-то рядом — после ужина, завтра или следующим летом.

Только взрослые знали, что иногда оно длится годы.

Мы отправляли Альбине письма и фотографии. На одном снимке я стояла в центре всей нашей дворовой компании. Слева — девочка с косами, справа — самый маленький командир, сзади — мальчишки, которым в последнюю секунду захотелось показать рожки.

Фотография получилась живая: кто-то моргнул, кто-то отвернулся, а я слишком серьёзно смотрела в объектив.

На обороте мама написала имена.

Я попросила добавить:

«Все мои друзья».

Мне хотелось, чтобы Альбина знала: если она приедет, ей тоже найдётся место.

Гарнизон научил меня простой вещи — человек может быть родом откуда угодно, но близким становится не из-за адреса.

Близкий — тот, кто держит тебе место в игре.

Делит конфету.

Не выдаёт, кто взял простыню.

И бежит рядом, когда домой уже позвали третий раз.

Годы в Венгрии шли незаметно. Я росла, стульчик становился всё меньше, военные фильмы — понятнее, а территория гарнизона уже не казалась огромной.

Мы знали каждый уголок. Где весной первой высыхает земля. Где лучше прятаться. В каком окне живёт самая строгая мама. По какой дороге отцы возвращаются со службы.

А потом взрослые начали говорить тише.

Сначала я замечала только отдельные слова. Перемены. Союз. Возвращение. Москва. Казань.

В разговорах появилось беспокойство, которого раньше не было. Родители подолгу сидели на кухне. К ним приходили соседи. Мужчины обсуждали новости, женщины — дорогу и то, что ждёт семьи дома.

Однажды во дворе кто-то сказал:

— Нас скоро отправят обратно.

Мы прекратили игру.

— Всех? — спросила девочка с косами.

— Не знаю.

Это было самое страшное слово. Не потому, что обещало беду, а потому, что разрушало привычный порядок.

До того дня казалось, что наш двор будет всегда. Что дети вырастут вместе. Что родители никуда не уедут. Что каждую новую весну мы снова будем рисовать на асфальте свой город.

Но гарнизонная жизнь с самого начала учила нас другому: дом может быть настоящим, даже если он временный.

Уезжать начали постепенно.

Сначала исчез велосипед возле соседнего подъезда. Потом за одним из окон сняли шторы. Во дворе появились ящики, перевязанные верёвками. Мой маленький стульчик снова перестал быть штабом и превратился в предмет багажа.

Мама достала чемоданы.

Отец принёс коробки.

— Мы едем в Казань? — спросила я.

— Да.

Казань была родным городом, там жили бабушка и Альбина. Я должна была обрадоваться.

И обрадовалась.

Только радость почему-то оказалась смешана с грустью.

Я выйду в другой двор. Пойду в другую школу. Увижу сестру. Всё начнётся заново.

Так уже бывало.

Но теперь я впервые понимала, что оставляю не просто

адрес.

Я оставляю целый мир.

В последние дни взрослые говорили о том, что происходит дома.

— Приедете, а там пустые полки, — предупредил кто-то маму.

Я услышала и не поверила.

— Как это — пустые?

— В магазинах ничего нет.

Я представила магазин без продавца, покупателей и света.

— Он закрыт?

— Нет, открыт.

— А продукты где?

Взрослые переглянулись.

— Вот приедешь и увидишь.

Этот ответ мне не понравился.

Если магазин открыт, в нём обязаны быть продукты. Иначе зачем нужен магазин?

Я посмотрела на свой стульчик, на коробки и на фотографию двора, которую мама положила между вещами.

Казань ждала нас.

А вместе с ней — первая загадка взрослой жизни: как может существовать место, в котором всё устроено правильно, но на полках ничего нет?

ГЛАВА 7

Пустые полки

Домой мы ехали с ощущением, что возвращаемся в знакомое место.

Это ощущение было обманчивым.

Казань существовала в моей памяти отдельными картинками: бабушкина кухня, две кровати, лицо Альбины, вокзал и руки, которые мы тянули друг к другу перед разлукой. Между этими картинками лежали Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск, Венгрия, гарнизон, целая рота и несколько лет моей жизни.

Город оставался прежним только для того ребёнка, который когда-то из него уехал.

А я возвращалась уже другой.

Перед отъездом из Венгрии наш дом снова превратился в склад. Коробки стояли вдоль стен, чемоданы лежали раскрытыми, а мама ходила по комнатам с выражением человека, которому поручили переселить целую страну.

— Это берём, — говорила она.

Отец клал вещь в коробку.

Через минуту мама меняла решение:

— Нет, это оставляем.

Отец доставал.

— Хотя подожди.

Он замирал с вещью в руках.

— Берём?

— Я думаю.

Так продолжалось несколько дней.

Отец, способный выполнять сложные служебные задачи, оказался совершенно беззащитен перед маминым «я думаю». В такие моменты он просто стоял посреди комнаты, держа то настольную лампу, то кастрюлю, то свёрнутый ковёр, и терпеливо ждал решения командования.

Свой маленький стульчик я никому не доверила.

— Он занимает место, — заметила мама.

— Он нужен.

— Ты из него уже выросла.

— Я ещё помещаюсь.

Чтобы доказать это, я села. Колени оказались почти у подбородка, но отступать было поздно.

Отец внимательно оценил положение.

— Помещается, — подтвердил он.

Мама посмотрела на нас обоих.

— Хорошо. Берём.

Так мой стульчик получил право вернуться в Казань.

Последний вечер в гарнизоне был тихим. Я обошла двор, потрогала дерево, возле которого мы устраивали штаб, посмотрела на окна друзей. В нашем нарисованном городе уже почти ничего не осталось — линии стёрлись, дома исчезли,

река высохла вместе с магазином.

Дети обещали писать.

Все знали адреса своих родителей, но никто не представлял, как долго будет идти письмо и что именно следует написать человеку, с которым ещё вчера можно было просто встретиться во дворе.

— Я напишу первая, — сказала девочка с косами.

— Нет, я, — возразила я.

— Тогда пиши.

— Ты тоже пиши.

На этом мы договорились.

Некоторые обещания детства выполняются. Другие остаются в том дворе, где были даны. Но в момент прощания каждое из них звучит честно.

Утром отец вынес вещи. Мама ещё раз проверила комнаты. Я взяла стульчик.

Наш дом опустел так же быстро, как когда-то наполнился нами.

Мы уехали.

В дороге взрослые снова говорили о пустых полках. К разговору присоединялись попутчики. Один слышал, что в Москве трудно купить мясо. Другой утверждал, что где-то нет масла. Третий рассказывал о длинных очередях.

Я слушала и не понимала.

В Венгрии магазины были яркими. На полках стояли коробки, банки, бутылки и упаковки, которые хотелось рас-

смаатривать даже тогда, когда тебе ничего не собирались покупать. Сам магазин казался обещанием: заходи — и обязательно что-нибудь найдётся.

— А хлеб есть? — спросила я.

— Хлеб есть, — ответила мама.

— Молоко?

— Бывает.

— Конфеты?

— Иногда.

— Тогда полки не пустые.

Мама не стала спорить.

— Сама увидишь.

Взрослые в последнее время слишком часто предлагали мне увидеть всё самостоятельно.

Поезд приближался к Казани. Я стояла у окна и пыталась узнать город, которого почти не помнила. За стеклом тянулись дома, заборы, деревья и какие-то серые строения. После венгерского гарнизона всё казалось менее ярким, будто кто-то повернул ручку цвета и остановился на середине.

Но потом появился вокзал.

На перроне стояли бабушка и Альбина.

Сестру я узнала сразу.

Не по одежде, не по причёске и даже не по лицу, которое за эти годы изменилось. Я просто знала, что это она.

Альбина тоже увидела меня. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, словно каждая пыталась проверить:

действительно ли перед ней та самая девочка с фотографий.

Потом она подняла руку.

Я подняла свою.

Это получилось почти одновременно.

Мама вышла из вагона первой и обняла Альбину так крепко, что бабушка отвернулась. Отец поставил чемодан, подошёл следом и положил ладони дочери на плечи. Его лицо оставалось сдержанным, но я уже умела замечать ту самую чуть приподнятую бровь и напряжение возле глаз.

Я стояла рядом со стульчиком и не знала, что делать.

Подбежать?

Обнять?

Сказать что-нибудь?

За годы разлуки сестра стала близким человеком, которого я почти не знала.

Альбина сама подошла ко мне.

В руках у неё был игрушечный заяц — тот самый, которого мы когда-то отправили из Комсомольска в Казань.

Я поставила стул на перрон и достала из сумки своего.

Два зайца снова встретились раньше нас.

Альбина улыбнулась.

Я тоже.

Потом мы обнялись.

Никаких особенных слов не понадобилось.

Мама была права: очень многое можно понять не только ушами.

Дома я долго рассматривала Альбину.

Она была похожа на меня и не похожа одновременно. В повороте головы, улыбке, движениях рук проступало что-то родное. Но у неё была своя жизнь, свои привычки и свой способ разговаривать с миром.

Она показывала мне комнату, вещи, фотографии, школьные принадлежности. Говорила жестами, выражением лица, движением губ. Что-то я понимала сразу. Что-то — только после повторения. Иногда вмешивались мама или бабушка.

Мне хотелось освоить всё за один вечер.

— Научи меня, — попросила я.

Альбина показала несколько простых жестов.

Я повторила.

Она покачала головой и исправила положение моих пальцев.

Со второй попытки тоже получилось не совсем правильно.

На третьей сестра рассмеялась.

Смеялась она беззвучно, но так выразительно, что мне стало смешно вместе с ней.

— Что я сказала? — спросила я.

Альбина снова показала мой жест, а потом изобразила что-то настолько нелепое, что засмеялись уже все.

Так началось наше новое знакомство.

Мы были близнецами, но теперь родству требовалось время, чтобы снова стать дружбой.

Первые дни в Казани наполнились родственниками, разговорами и вопросами. Все хотели узнать, как мы жили за границей.

— Там правда всё есть? — спрашивали взрослые.

— Что — всё?

— В магазинах.

Я вспоминала ряды упаковок.

— Наверное.

— А колбаса?

— Есть.

— Разная?

— Разная.

После каждого моего ответа взрослые переглядывались

так, будто я рассказывала о другой планете.

Кто-то просил описать магазины. Кто-то спрашивал об одежде. Кому-то было интересно, что едят венгры. Я отвечала как могла, но постепенно начала чувствовать себя путешественником, вернувшимся из страны, где по улицам ходят колбаса и шоколад.

— А бананы видела? — спросила соседка.

— Видела.

— Настоящие?

Я не знала, какими бывают ненастоящие бананы.

— Жёлтые.

Соседка вздохнула.

— Вот жизнь.

Я посмотрела на маму, но она сделала вид, что занята чашками.

Через несколько дней мы пошли в магазин.

Я ждала этого похода. Хотелось наконец проверить рассказы взрослых и доказать, что они преувеличивали. Полки не могут быть пустыми. Это противоречило самому смыслу магазина.

У входа стояли люди.

Внутри тоже стояли люди.

Некоторые ничего не покупали — просто спрашивали, не привезли ли что-нибудь. Продавщица отвечала устало, даже не поднимая головы.

Я прошла вдоль прилавков.

На одной полке лежали тетради. На другой стояли несколько одинаковых банок. В дальнем углу нашлось хозяйственное мыло. Пространства между товарами было гораздо больше, чем самих товаров.

Я заглянула за прилавок.

— Ты что ищешь? — спросила мама.

— Остальное.

— Какое остальное?

— Всё, что ещё не выставили.

Мама взяла меня за руку.

— Больше ничего нет.

Я посмотрела на продавщицу. Потом снова на полки.

— А зачем магазин открыли?

Продавщица впервые подняла голову.

Несколько человек в очереди улыбнулись.

— Чтобы ты пришла и спросила, — сказала пожилая женщина за нами.

Все засмеялись, даже мама.

Я не поняла, что смешного. Вопрос был совершенно серьёзным.

Пустой магазин производил странное впечатление. В нём сохранялось всё, что должно быть: прилавки, весы, касса, продавцы, покупатели. Не хватало только главного.

Он был похож на театр, в котором подняли занавес, включили свет, рассадили зрителей, но забыли пригласить актёров.

— Может, в другом есть? — спросила я, когда мы вышли.

— Посмотрим.

Мы пошли в другой.

Там картина оказалась примерно такой же.

В третьем магазине люди стояли в очереди.

Это сразу вселяло надежду. Если есть очередь, значит, что-то дают.

— Что продают? — спросила мама у женщины.

— Пока не знаем.

— А очередь зачем?

— Сказали, что привезут.

Люди ждали товар, названия которого ещё никто не знал.

Мне это показалось удивительным.

— А если привезут то, что нам не нужно?

Женщина посмотрела на меня с доброй усталостью.

— Девочка, сейчас нам всё нужно.

Это был первый урок новой экономики.

Мы встали в очередь.

Периодически кто-нибудь уходил выяснять новости и возвращался с противоречивыми сведениями.

— Масло будет.

— Какое масло?

— Может, сливочное.

Через пять минут другой человек сообщал:

— Не масло. Сосиски.

Потом появлялась версия о сахаре.

Очередь волновалась, но не расходилась. Каждому подходил любой вариант.

Наконец к магазину подъехала машина. Люди оживились и одновременно шагнули ближе к двери.

Привезли мороженое.

Когда раскрыли большую картонную коробку, по магазину поплыл холодный сливочный запах пломбира. Я узнала его сразу — хотя прежде никогда не думала, что мороженое может пахнуть на целое помещение.

Все заговорили громче.

Продавщица начала доставать стаканчики.

Мороженое было простым, без яркой иностранной упаковки, без орехов, шоколадных полосок и длинного названия. Обычный белый пломбир.

Но люди смотрели на него как на праздник.

Мама купила нам по одному.

Я вышла на улицу, сняла бумажную крышечку и попробовала.

Пломбир был холодным, сладким и удивительно вкусным.

— Ну как? — спросила мама.

Я подумала.

— Лучше, чем пустые полки.

Она рассмеялась.

Рядом Альбина ела своё мороженое и довольно кивала. В этот момент мы были совершенно одинаковыми.

Постепенно я начала понимать правила.

Если возле магазина стояла машина, нужно было узнать, что привезли.

Если люди быстро шли в одну сторону, следовало посмотреть, куда именно.

Если кто-то произносил: «Выбросили», речь шла вовсе не о мусоре.

В Венгрии слово «магазин» означало место, куда приходят за нужным товаром.

В Казани магазин стал местом, куда нужно было прийти вовремя.

Разница была существенной.

У взрослых имелась целая система наблюдения. Соседки обменивались сведениями через балконы, окна и случайные

встречи во дворе.

— В соседнем квартале масло дают!

— Где?

— Возле остановки!

— Давно?

— Только привезли!

После этого женщины исчезали из двора с такой скоростью, какой не показали бы на школьных соревнованиях.

Мама тоже научилась реагировать мгновенно. Она могла готовить обед, услышать нужную новость, выключить плиту, взять сумку и через минуту оказаться у двери.

Отец относился к происходящему как к сложной служебной обстановке.

Он изучал списки, запоминал адреса и выяснял, что можно достать через знакомых. Но даже его способность решать задачи иногда терпела поражение.

Однажды мама отправила его за маслом.

Он вернулся через два часа с тремя банками морской капусты.

— А масло? — спросила она.

— Закончилось.

— Зачем капуста?

— Была.

Это слово становилось достаточным основанием для покупки.

Мама посмотрела на банки.

— И что мне с ней делать?

Отец снял пальто.

— Здесь нужен специальный рецепт.

Я прыснула от смеха.

Он тоже улыбнулся.

Три банки долго стояли в шкафу. Никто не хотел их есть, но выбросить продукт, который удалось купить в очереди, было невозможно. Морская капуста превратилась в семейный резерв на случай, если исчезнет вообще всё остальное.

Не исчезло.

Люди приспособливались.

Делились.

Менялись.

Одни знали, где достать мясо. Другие помогали с крупой. Третьи приносили хлеб пожилой соседке. Если кому-то удалось купить больше, часть обязательно уходила родным.

Пустые полки не сделали жизнь пустой.

Наоборот, между людьми возникло множество невидимых нитей. Каждый что-то искал не только для себя. Иногда очередь держали сразу для нескольких семей. Сумки передавали соседям. Новости распространялись быстрее официальных объявлений.

Бабушка говорила:

— Проживём.

И произносила это так уверенно, будто уже прожила все возможные трудности и не собиралась сдаваться перед от-

сутствием колбасы.

Дома пахло супом, свежим хлебом и жареной картошкой. На кухне по-прежнему собиралась семья. Отец рассказывал что-нибудь со службы. Мама распределяла покупки. Мы с Альбиной учились быть сёстрами не по фотографиям, а каждый день.

Она показывала мне новые жесты.

Я рассказывала ей о гарнизоне, детях и кино. Говорила медленнее, старалась быть понятной, добавляла движения рук. Если не получалось, рисовала.

Особенно трудно было изобразить целую роту.

Альбина терпеливо ждала, пока на бумаге появятся десятки одинаковых человечков.

Потом показала на мой стульчик и вопросительно подняла брови.

Я кивнула.

Да, он тоже вернулся.

Стульчик поставили в угол комнаты. Для кино он был уже мал, но расстаться с ним я не могла. На нём лежали книги, одежда и иногда один из игрушечных зайцев.

Он напоминал о прежнем мире.

А новый постепенно становился привычным.

Серые улицы переставали казаться серыми. Я снова узнавала город. Запоминала дороги, магазины, остановки и лица соседей. Казань не была хуже Венгрии — она была другой. И требовала других навыков.

Главным из них оказалось умение ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.